

УКРАИНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

КРАСНАЯ
КОМНАТА

ИРИНА
ЛОБУСОВА

FOLIO

Украинский детектив

Ирина Лобусова

Красная комната

«ОМІКО»

2019

УДК 821.161.1(477)

Лобусова И. И.

Красная комната / И. И. Лобусова — «ОМІКО»,
2019 — (Украинский детектив)

Действие нового романа Ирины Лобусовой «Красная комната» происходит в большом городе, куда приезжает, переживая любовную драму, талантливая художница Евгения Кравец, именующая себя Джин. Она устраивается на работу дизайнером в архитектурную фирму и снимает квартиру в старинном доме: ей очень нравится гостиная в красных обоях, производящая на многих зловещее впечатление. Джин чувствует некоторое родство с этой странной комнатой, да и сама она выглядит странно, эпатируя окружающих зелеными волосами, в том числе руководителя фирмы Вадима, человека пресыщенного, живущего в свое удовольствие, но давно потерявшего интерес ко всему. И вот однажды Вадиму звонят из полиции и сообщают, что в коттедже, строительством которого занимается его фирма, обнаружен труп девочки, а рядом – Джин. И это только начало цепи мистических событий и ужасных убийств...

УДК 821.161.1(477)

© Лобусова И. И., 2019

© ОМІКО, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ирина Лобусова

Красная комната

© И. И. Лобусова, 2019

© М. С. Мендор, художественное оформление, 2019

© Издательство «Фолио», марка серии, 2019

Глава 1

Солнце расплескалось по стенам, огненными ослепительными брызгами сползло по обоям вниз. Эти брызги казались такими объемными, что к ним хотелось прикоснуться. Золотые змеи на багровом фоне...

Джин зажмурила глаза, а когда раскрыла, то солнечные змеи по-прежнему сползли на пол – багровый зловещий шелк, больше чем когда-либо похожий на кровь.

– Странно...

Джин мотнула головой, прогоняя навязчивое видение (эти невероятные, никогда прежде не виданные обои вызывали в памяти несуществующий кровавый дождь).

– Как странно...

Она прервала фразу и не захотела ее договорить.

– Я предупреждала вас! – Джин послышался скрытый упрек в четком, хорошо поставленном голосе риелтора. – Потому и цена снижена. Многие мои клиенты с первого взгляда возненавидели эту комнату. Как только попали сюда...

– На меня эта чушь не действует, – Джин передернула плечами, – никаких зловещих предчувствий, если вы это хотите услышать. А сказала я про обои. Именно они показались мне странными. Думаю, вы и без меня это знаете.

– Итальянский шелк, восемнадцатый век, – риелтор окинула клиентку пристальным взглядом.

В который раз Джин почувствовала в это взгляде враждебное неодобрение, которое проявляла к ней эта женщина. Впрочем, она профессионально держала себя в руках.

– Говорят, прежняя хозяйка квартиры привезла их из Венеции. Это настоящая роскошь...

– Скорее, антиквариат, – поправила Джин, проводя рукой по ежику коротких, торчащих во все стороны, стриженных волос, выкрашенных в немыслимо зеленый цвет (суперяркий контраст с этими багровыми обоями).

– Да, возможно, – вежливо улыбнулась риелтор, сохраняя в глазах настороженное выражение. – Видите, как вам повезло.

– А кем была прежняя хозяйка квартиры? Тайной миллионершей, которая путешествовала по Италии и покупала сумасшедшие обои? – хмыкнула Джин.

– Она – школьная учительница, – риелтор почему-то отвела глаза в сторону – так, словно ее тяготил этот разговор. – Заслуженный учитель, герой труда, очень порядочный человек. О ней часто писали в газетах, а на школе, где она работала, даже повесили мемориальную табличку с ее именем.

– Прямо Макаренко! – снова хмыкнула Джин, настроенная на скептический лад.

– А это кто? – заморгала глазами риелтор. – Нет, у нее фамилия была другая.

– Ладно, – Джин не стала ничего уточнять. – И что же произошло в этой жуткой комнате, которую так боятся все ваши клиенты? Вашу заслуженную учительницу собственные детки расчленили? А куски трупа, небось, разбросали по углам?

– О нет, ничего такого! – из вежливости улыбнулась риелтор. – На самом деле в этой комнате никогда не происходило ничего страшного. Здесь никого не убили и не нашли ни единого трупа. Что же касается учительницы, то умерла она даже не здесь, а в больнице, где провела больше месяца. И детей у нее не было, потому что замуж она никогда не выходила. Учительница была старой девой.

– Кому же принадлежит квартира теперь? – поинтересовалась Джин, пристально разглядывая необычные обои.

Эта квартира вовсе не казалась ей обиталищем чопорной старой девы. Наоборот, в бывшей хозяйке Джин могла заподозрить яркую личность с очень нестандартным вкусом.

– Дальней родственнице покойной, – лаконично ответила риелтор. – Она живет не здесь. В смысле, не в нашей стране.

Джин прошла по комнате, рассматривая безделушки, в изобилии украшавшие многочисленные полки книжных шкафов и сервантов. Комната была большая, но из-за обилия мебели она выглядела намного меньше своих «естественных» размеров.

Мебели было в избытке, даже слишком. Джин подумалось, что если бы вынести отсюда все эти кожаные диваны, кресла, этажерки, полки и шифоньеры, то здесь появилось бы много света и воздуха, но комната мгновенно потеряла бы свое лицо, превратившись в еще одну безликую, ничем не примечательную квартирку – таких в избытке разбросано по всему городу. Нет, пускай лучше так...

Часть комнаты занимал камин. За всю свою бурную жизнь Джин никогда не видела таких огромных каминов! Он выступал из стены как сплошной каменный нарост и больше подходил для какой-нибудь средневековой цитадели с мощной каменной кладкой, чем для современной квартиры.

Камин был огромен и зловещ. Так и представлялись буйные языки пламени, слизывающие облупленную позолоту с его стенок – тем более что огромный камин не был огражден каминной решеткой; даже огнеупорного коврика перед ним не было. На самом деле, Джин даже не представляла себе, как должны выглядеть огнеупорные коврики, потому что не видела их никогда в жизни. Возможно, всю эту чушь она просто вычитала на одном из дурацких сайтов, на которые в последнее время заходила слишком часто.

Камин выглядел запущенным. Было отчетливо видно, что никто им толком не занимался. С него кусками слезала позолота (похожая почему-то на рисунок обоев), стены обуглились и почернели от сажи. Дно было черным и грязным – настолько, что отбивало любое желание прикоснуться рукой к этому «архитектурному излишеству». Но, тем не менее, на этот камин хотелось смотреть – и перед ним хотелось сидеть. Джин поймала себя на мысли: как, должно быть, чудесно просто отдыхать перед камином холодными зимними вечерами, когда за окном, как зверь, воет выюга.

– Камин не работает, – сказала риелтор, поймав направление взгляда Джин.

– Почему – не работает?

По какой-то непонятной причине Джин вдруг разозлила эта в общем-то закономерная реплика. Она поймала себя на мысли, что риелтор, со всем своим профессионализмом и желанием услужить, начинает выводить ее из себя. Да что выводить – просто бесить всеми этими примочками деловой, процветающей, предприимчивой женщины, которыми Джин давно уже сыта по горло!

– Не знаю, почему не работает, – ответила риелтор. – Не работает давно, еще при прежней хозяйке квартиры не работал. У меня есть четкая инструкция: предупреждать об этом всех потенциальных нанимателей – камин неисправен. Поэтому даже не пытайтесь его разжигать.

– Не стану, – хмыкнула Джин, – с детства ненавижу огонь. А комната, между тем, полна огня!

Риелтор бросила на нее странный взгляд. Но Джин давно привыкла к странным взглядам – люди почему-то только так реагировали на ее немислимую прическу (особенно на цвет коротких волос) и на голые руки, покрытые татуировками. Странные взгляды для Джин были нормой и правилом, а вовсе не раздражающим фактором. Но тут же она поняла, что риелтор смотрит так странно потому, что обдумывает ее последние слова – те самые, про огонь.

Джин ничего не собиралась объяснять. Предзакатное солнце расплескалось по всей комнате ослепительными, огненными бликами; их отблески полыхали на обоях, создавая устойчивое ощущение, что стены комнаты сочатся огнем и кровью. И Джин страшно нравилась эта

багровая, будто венозная кровь, которая яркой нитью вплетается сквозь бешеный солнечный огонь.

– А, понимаю! – вдруг с облегчением выдохнула риелтор. – Вы имеете в виду обои. Ну, конечно, обои в этой комнате необычные! А знаете, никто из тех, кому я показывала эту комнату, ничего подобного про огонь не говорил.

– Как такое возможно?! – Джин скорчила рожицу, подражая репликам героев одного исторического сериала, который крутили по всем каналам и который она терпеть не могла.

– Говорили, что стены кажутся покрытыми кровью, – подумав, сказала риелтор. – Кровью, а не огнем!

– Наверное, это потому, что никому из здоровых людей не придет в голову идея обить стены комнаты шелком восемнадцатого века, – сказала Джин. – Особенно в центре большого современного города. Особенно в квартире, которая сдается внаем.

– Я предупреждала вас, что это необычная квартира, – пожала плечами риелтор. – Самая необычная из всех, которые есть у меня для показа. Вы даже не представляете, как тяжело ее сдать!

– Хорошенькая реклама! – рассмеялась Джин. – Неужели никого не прельщает даже низкая цена?

– Нет, – честно призналась риелтор, – эта квартира никому не нравится. А красная комната кажется всем зловещей. Все твердят, что в этой комнате произошло что-то страшное, хотя на самом деле это вовсе не так.

– Это сейчас модно, не переживайте, – успокоила ее Джин. – Все прикидываются сверхъестественными, паранормальными психами. На самом деле вы из-за этого должны только повысить цену!

– Да я готова уступить еще больше! Мне так хочется ее сдать! – в сердцах сказала риелтор. – Это ведь, на самом деле, ужасно – стоит пустая квартира в самом центре города, и никто в ней не живет!

– Что, давным-давно? А кто здесь жил до меня? – поинтересовалась Джин.

– До вас? – заметно оживилась риелтор. – Значит, вы все-таки готовы ее снять?

– Ну, разумеется! – Джин пожала плечами. – Как я могу пройти мимо такой прелести! Красивая красная комната с тайными зловещими знаками! Да я с ума сойду от восторга!

– Ух, как я рада это слышать! – с облегчением вздохнула риелтор. – Вы себе просто не представляете!

– Так кто же жил в этом красном аду до меня? – усмехнулась Джин.

– Вы не поверите – никто, – ответила риелтор. – Квартира стоит пустая уже долгое время – с тех пор, как только умерла прежняя владелица. Конечно, мы оплачиваем все коммунальные услуги, постоянно делаем уборку и поддерживаем все в рабочем состоянии. Но это же очень плохо, когда такие квартиры пустуют! Так быть не должно!

– Конечно, это плохо, – сказала Джин. – Просто ужасно, когда такие квартиры пустуют.

– Простите, а вы... – риелтор смотрела на клиентку испытующим взглядом и уже не только как на некое противное экзотическое насекомое. – Вы из мира искусства... или богемы... Ну, может, художник или писатель... Актриса?

– Нет, ничего такого! – засмеялась Джин. – Разочаровала, да? Я многих разочаровываю. Я сама по себе. Просто такая, какая есть.

– А почему у вас такое странное имя – Джин? – спросила риелтор.

– Это не имя, – Джин снова почувствовала раздражение: ей так надоело это объяснять! – Это ник – ну, все равно что кличка в Сети. «Джин» – потому, что мой любимый напиток водка. Но «Водкой» человека называть неприлично. Вот друзья и стали называть меня «Джин», тем более что это перекликается с моим настоящим именем. Джин – это тоже водка, только из можжевельника. Мне очень нравится. А по паспорту я Евгения Борисовна Кравец.

– Так когда принести договор аренды? – риелтор взяла быка за рога. – Можем подписать уже сегодня.

– Сегодня, сейчас, завтра – когда хотите, – пожала плечами Джин. – Мне все равно. Я здесь остаюсь. Прямо сейчас.

– А... вещи? – в тоне риелтора снова появилось подозрение. – У вас что – разве нет вещей?

– А кому они нужны, эти вещи? – насмешливо хмыкнула Джин, не упуская возможности поиздеваться. – Все, что мне нужно, со мной!

По-мужски вытащив туго набитый бумажник из кармана джинсов, Джин расплатилась с риелтором – вручила и аванс, и предоплату, и сумму за проживание за два месяца. Джин пришла в полный восторг от подозрительности, с которой риелтор ощупывала и пересчитывала ее деньги, опасаясь, что они фальшивые.

Оставив ее за этим увлекательным занятием, Джин подошла к окну, распахнула его настежь. Солнечный свет стал еще ярче. Внизу колыхалась зеленая листва, уже немного обожженная солнцем. Издали доносился уличный шум, но он не раздражал. Здесь, в квартире, он каким-то странным образом трансформировался в комфортное, обволакивающее-живое, теплое облако уюта и покоя. Он дарил ощущения, которые Джин не испытывала никогда. Ей было уютно и легко стоять возле окна – так, будто сейчас она лежала в теплой ванне, время от времени с бульканьем погружаясь в нее с головой.

– Из окна открывается замечательный вид на парк... – заученным голосом начала риелтор, и Джин чуть не треснула ее по лбу за эту избитую фразу.

Нельзя было выразить в таких пошлых словах то, что она только что испытала, стоя у окна!

Пошлость слов принижала здешний покой, низводила его на уровень той посредственности, с которой Джин боролась на протяжении всей своей жизни и которая в конце концов привела ее сюда, в омут крови и солнца. Кровь и солнце были разлиты по стенам в каком-то бешеном жизненном экстазе, который Джин всегда хотела испытать на себе... Она отозвалась слишком резко:

– Вы пересчитали деньги? Тогда уходите! – и тут же добавила: – Ключ можете оставить на столе.

Фыркнув что-то неразборчивое (Джин не собиралась вслушиваться), риелтор звякнула ключом на длинной цепочке и бросила его на антикварный стол в самой середине комнаты. Стол из красного дерева (должно быть, очень ценная вещь) заметно нуждался в покраске, полировке и ремонте. А еще он нуждался в жильце – может быть, больше, чем во всем остальном.

Дверь захлопнулась с шумом.

Джин по-прежнему стояла у окна. На стенах все так же буйно полыхали солнце и кровь. Капли сочной венозной крови стремительно катились вниз.

Джин перегнулась через подоконник, наслаждаясь изумрудным буйством летней листвы. Цвет был настолько сочный и яркий, что так и просился на холст. Джин задумалась: какие краски нужно смешать, чтобы получить такую невероятную красоту? Память не давала ответа.

Ей вовсе не хотелось думать. Она просто отдыхала душой, каждой клеточкой тела чувствуя какое-то странное, неизвестно откуда взявшееся умиротворение.

Квартира располагалась на втором этаже. Этаж был не высокий, но сюда почти не доносился уличный шум – возможно, из-за близости парка.

Джин вспомнила, как поразил ее этот старинный трехэтажный дом, стоящий в конце переулочка, как раз перед тупиком. Она была поражена в самое сердце величественной грацией этого старинного жилья, словно чудом сохранившегося в современных урбанистических джунглях, возведенных из стекла и бетона. Эта удивительная красота взывала не только к генетиче-

ской памяти, но и к самому сокровенному в ее душе, которая (Джин чувствовала это) вопреки всему оставалась целой.

Именно тогда, вся во власти этой странной бури, которую она не могла объяснить даже самой себе, Джин поняла: это ее дом. Этот дом принадлежит ей – или, возможно, она принадлежит ему, как угодно. Она еще не видела квартиры, о которой риелтор с самого начала их переписки в интернете давала столь противоречивые отзывы, но уже всю чувствовала, что обязательно должна остаться здесь, во что бы то ни стало здесь удержаться, уцепиться за нее – во что бы то ни стало! Она почувствовала, но почему-то не могла сама себе объяснить.

Яркий оранжевый мяч, взявшийся ниоткуда, взлетел так высоко, что Джин с удивлением отпрыгнула от подоконника. Мяч, стремительно возникший перед ней, так же быстро исчез внизу. Маленькая девочка лет пяти, со смешными торчащими во все стороны косичками, одетая в летний сарафан в бело-зеленый горошек, подхватила мяч, заливаясь смехом. Девочка-подросток лет четырнадцати (это она подбросила мяч с такой силой) со смехом взъерошила малышке волосы. Джин с удивлением загляделась на синее платье девочки-подростка – очень необычное. Джин еще не доводилось видеть таких. Очень красивое платье, нестандартного кроя и, похоже, из натуральной ткани. Может, мама девочки была дизайнером, потому и одевала дочку так необычно.

Девочки, между тем, явно не были сестрами. Малышка была белокурой, пухленькой, с румяным, удивительно круглым лицом. Красивая, улыбающаяся, жизнерадостная, она всю наслаждалась этим солнечным днем и игрой со своей старшей подружкой.

Девочка постарше была совершенно другой. Очень высокая для своих лет, худощавая, с длинными черными как смоль волосами, забранными синей лентой в свободно развевающийся хвост, с явной примесью кавказской или еврейской крови. Она была невероятно красива. Со своего второго этажа Джин ясно различала черты ее лица – точеные, как на старинной монете, и такие яркие, что они против воли приковывали взгляд. Джин залюбовалась естественной грацией ее движений – девочка-подросток двигалась легко и свободно.

Джин задумалась: почему эти две настолько разные и по внешности, и по возрасту девочки играют вместе, если они никак не могут быть сестрами? Но в этот момент к ним решительно подошла пожилая (лет не меньше шестидесяти) женщина, одетая в темный коричневый костюм с короткими рукавчиками. Чем-то неуловимым женщина напоминала учительницу – может, тугим пучком седых, стянутых на затылке волос или массивными очками в старомодной роговой оправе, которые делали ее лицо старше и толще.

Женщина в очках («учительница», как окрестила ее про себя Джин) решительно взяла за руку старшую девочку и повела ее в глубину парка. Малышка, смеясь, подпрыгивая и подбрасывая вверх мяч, побежала следом за ними.

Джин удивилась: что за странная женщина? Ведь брать за руку следовало именно маленького ребенка! Но тут же подумала, что малышка была ей чужой, в то время как девочка-подросток вполне могла оказаться ее родственницей. Женщина была в том возрасте, в котором ее национальность уже нельзя было определить. А волосы ее вполне могли быть черными в молодости.

Подул ветер. Солнце стало садиться. Резкий порыв ветра как-то неожиданно разрушил и настроение, и красоту. День близился к закату, и зелень листвы уже охватывали длинные вечерние тени, превратив изумрудно-зеленый цвет в беспросветный вечерне-серый.

Джин захлопнула окно и резко прошла на середину комнаты. Взгляд ее упал на камин. Если бы сейчас в комнате находился кто-то из ее знакомых – тот, кто знал ее хоть более-менее, – то огонек, загоревшийся в глазах Джин, он назвал бы «сигналом к бою».

Джин недобро усмехнулась, отыскала свою сумочку, впопыхах брошенную на старинный диван, и нашла в ней спички. Она бросила курить два года назад, но, повинувшись какой-то странной причуде, продолжила носить спички с собой.

Джин никогда не подчинялась правилам. Иногда это доходило до настоящего абсурда. К примеру, даже на шумных магистралях, когда все окружающие пытались переходить улицу на зеленый свет, она умудрялась перебежать проезжую часть на красный. Так уж был устроен ее вздорный характер, ей самой причиняющий немало бед. С возрастом Джин поняла, что постоянное нарушение правил, которым принято хвалиться и бравировать в юности, на самом деле – настоящая глупость. Но переделывать себя было поздно. Оставалось принимать такой, какая есть.

Джин опустилась на колени перед камином и вверху, почти возле самой трубы дымохода, нащупала пропускающую газ задвижку. Камин был старым, газовым, работавшим по принципу допотопного, еще советского газового водонагревателя. Она отлично умела справляться с такими устройствами.

Джин попыталась сдвинуть с места газовый рычажок, чтобы газ пошел вниз, к отверстию в низу камина – тогда его можно будет зажечь спичкой. Но в этот самый момент вниз, прямо на нее, из трубы дымохода, вывалилась целая груда сажи, грязи и копоти. Джин тут же окутало сплошное черное облако. Несколько минут она чертыхалась, отплевывалась и отчихивалась, пытаясь стряхнуть сажу из носа и с лица. Тут ее взгляд упал на странный предмет, самый крупный в этой куче золы и сажи.

Джин взяла предмет в руки. Поначалу он показался ей куском золы – возможно, не до конца сгоревшего картона. Пальцами Джин принялась отчищать кусочки сажи. Проступила темно-синяя резиновая поверхность, потрескавшаяся и потертая.

Джин принялась чистить энергичнее. С огромным удивлением она вдруг поняла, что этот странный предмет – половинка разрезанного детского мяча. Но это был не современный китайский пластик, а старый резиновый мяч, который выпускали еще в советское время. Джин вспомнила, что в детстве у нее тоже был такой. По очень странному совпадению, он тоже был синий! Может, это точно такой же мяч, выпущенный на той же фабрике игрушек?

Джин замерла со странным предметом в руках. Мяч явно был разрезан ножом или ножницами. А ведь не так-то просто разрезать добротную резину! Зачем это сделали? И почему его засунули в камин, да еще в дымоход?

Джин терялась в догадках.

Она снова попыталась сдвинуть с места газовую задвижку – та не поворачивалась: была заблокирована намертво. Это означало, что в камин не поступал газ, а, значит, зажечь его не было никакой возможности.

Джин с сожалением посмотрела на паркетный пол, испачканный сажей. И зачем только она это сделала? Потом она положила мяч обратно в камин. Чтобы это ни было, пусть лежит там, где лежал.

Джин встала и поплелась в ванную. Нужно было найти что-то вроде веника и совка, чтобы убрать все следы устроенного ею беспорядка.

Глава 2

Он припарковался у обочины, неудачно заехал передним колесом на бордюр и, чертыхнувшись про себя, переключил заднюю, чтобы хоть как-то исправить положение. Выходило глупо: въехал так, словно водит машину первый год. К счастью, она ничего не заметила!

Огни, падавшие с улицы, осветили удачно подкрашенное лицо с пушистыми ресницами, явно сделанными за евро. Даже в тусклом свете уличного фонаря она была восхитительна. И он в который раз удивился тому, что испытывает такой неожиданный ледяной паралич чувств, от которого будто сам превратился в застывшую заснеженную фигуру, как бывает только настоящей зимой со снегом, которая всегда и для всех приходит неожиданно.

Он вывернул руль, повернул ключ и заглушил двигатель. Теперь все колеса стояли, как положено. Глупость с машиной случилась потому, что он нервничал, страшно нервничал рядом с этой красивой раскрашенной куклой, которую не хотел больше видеть никогда в своей жизни.

– Милый! – ее руки обвили его шею, и в который раз за этот вечер он ощутил порыв дикого раздражения. – Ты такой потрясный... Поднимешься ко мне?

«Потрясный»!

Его передернуло. Он аккуратно высвободился и нацепил на лицо дежурную улыбку.

– Извини, сегодня не получится. Завал с работой. Должен подготовить к завтрашнему совещанию все документы. Успеть за ночь... – и добавил едва ли не извиняющимся тоном: – Я тебе позвоню.

– О, я все понимаю, не волнуйся! – в ее улыбке была сама нежность. – Спасибо, что нашел время встретиться со мной. Ты у меня такой занятой, ответственный, серьезный...

«Ты у меня»!

Его передернуло – уже в который раз. Он даже устал считать эти мысленные конвульсии. И мозг, и все тело, будто в каком-то припадке, сигнализировали ему о том, что он дурак, непродуманный дурак... Но вместо утешения это вызывало уже ставший привычным паралич чувств.

Как дать понять девушке, которая буквально вешается тебе на шею, что больше не хочешь видеть ее никогда в жизни? Самый сложный вопрос на земле! Особенно, если девушка тебя не понимает, просто отказывается понимать и буквально преследует, душит звонками, смсками, посланиями в «Одноклассниках», «Вконтакте», Инстаграме, Фейсбуке. Она присылает на телефон картинки – красные надутые губки и каких-то дурацких розовых котят. От всего этого за версту несет дешевой слюнявой пошлостью набитой провинциальной дуры!

Он всегда считал, что у него есть голова на плечах. Потому и добился в жизни успеха, организовав на деньги отца – капитана дальнего плавания – маленькую архитектурно-строительную фирму, которая за несколько лет выросла в большую компанию. Он стремился к успеху, работал по двадцать часов в сутки, достигал его любой ценой, оставив за плечами собственное свободное время и неудавшуюся двухлетнюю семейную жизнь с женой, которая не принесла ему ни покоя, ни детей, ни семейного уюта.

Вины жены в том никакой не было – просто он привык быть один. Доказательством было то, что его жена после их безболезненного развода довольно быстро вышла замуж и почти сразу родила двоих детей, превратившись в толстую, абсолютно семейную клушу. Он искренне пожелал ей счастья и ни в чем не винил.

В его жизни со скоростью вихря следовала череда очень коротких романов, которые заканчивались после трех-четырёх постельных свиданий, не успев перерасти во что-то большее. Этих связей было так много, что он совершенно потерял им счет. Но последствия были самыми ужасными.

Заклучались они не в неприличных болезнях (он очень боялся этого и изо всех сил принимал меры предосторожности), а в том, что с каждой новой девушкой в его душе прогресси-

ровал какой-то странный паралич чувств, захватывающий весь организм и буквально мешающий ему понимать, видеть, а особенно – чувствовать.

С чувствами вообще была беда! Он не испытывал ни горя, ни радости, ни печали, ни грусти, ни желаний, ни смеха, ни увлечения, ни физического или морального возбуждения, ни любопытства, ни интереса – словом, ничего из того, что наполняет обычную человеческую жизнь. Исключение составляли только раздражение и злость, которые он теперь ощущал гораздо чаще, чем прежде.

А ведь ему исполнилось всего тридцать пять лет! Самое время создать семью, как-то остепениться. Но его тошнило от одной только мысли о том, что одна из череды этих безликих существ останется надолго (на месяц, на два, на три) в его собственной жизни – останется ненужной тенью, будет находиться рядом с ним, навязывать ему примитивные мысли и чувства.

А между тем, ему попадались очень хорошие, приличные девушки. Он знакомился с ними на одном популярном сайте знакомств и сам диву давался тому странному факту, что столько интересных, достойных женщин не могут найти мужчину своей жизни. Среди них были умные, образованные, с успешной карьерой, с квартирами, деньгами, машинами – самые красивые, очень интересные девушки из всех. Каждая из них могла составить кому-то настоящее счастье в жизни. Но только не ему. Его тошнило от них. И после нескольких свиданий (обязательно включающих секс, постель) он переставал звонить им и навсегда исчезал.

Девушки же липли к нему, как мухи на мед. Молодой, красивый, успешный (имеет собственный бизнес – и не какой попало, а архитектурно-строительную фирму!), живет в центре города в элитном жилом комплексе, дорогой трехкомнатной квартире, ездит на джипе, не обременен ни бывшими, ни детьми... Девушки не давали ему прохода и делали буквально все, чтобы его удержать. И единственным результатом всех этих усилий было то, что если с самого начала он испытывал к ним холодное равнодушие (то есть не чувствовал ничего), то постепенно приходили злость и ненависть. И тогда он расставался с женщинами очень некрасиво. Бросал их жестоко, говорил обидные, ранящие слова, наносил калечащие психологические травмы, с которыми, как он знал, девушкам будет справиться нелегко. После этого его ненависть гасла, снова превращаясь в холодное равнодушие, и он забывал абсолютно обо всем происшедшем. Он не узнал бы многих из своих недавних жертв, случайно встретив их на улице.

Однажды его мать не выдержала и сказала в сердцах (это случилось после того, как одна из брошенных им девушек умудрилась каким-то образом раздобыть домашний телефон его матери и с дикими рыданиями названивала ей целых две недели):

– Ты у меня какой-то моральный инвалид, Вадим! Похоже, ты и родился у меня ущербным...

Он даже не обиделся на мать, потому что это была чистая правда. Ведь он сам не понимал – родился он таким или стал.

Хуже всего было то, что постепенно он перестал испытывать и физическое наслаждение. Конечно, что касается секса, с ним было все в порядке – медицинских проблем не было, – но он занимался любовью с тем же безразличием, с которым выпивают стакан воды. Он делал это не потому, что кто-то страстно его хочет и жить без него не может, а потому, что это полезно для его здоровья. Он занимался сексом так, как отжимаются в спортзале на тренажере, чтобы укрепить собственное тело и здоровье.

Но ведь нельзя же, в самом деле, испытывать пламенные чувства к безличному куску металла и кожи, на котором выполняешь физические упражнения!

Так обстояло дело и с обнаженными женскими телами, которые чередой проходили через его постель. Когда эти безликие тела пытались излить на него какие-либо эмоции и чувства, он не испытывал ничего, кроме глубокого отвращения и раздражения.

Порой его злила собственная способность не чувствовать ничего. Но потом он смирился с этим, как смиряются с физическим недостатком или даже увечьем – к примеру, с отсутствием мизинца на руке. Что уж поделаешь, если судьба предопределила, что он будет нести по жизни именно такой, а не какой-нибудь другой крест?

Он даже перестал придерживаться внешней любезности. Не хамил откровенно только потому, что испытывал потребность сохранить хоть какие-то крупинцы достоинства. А достоинство его заключалось в умении всегда держать себя на высоте. Вот это было ему действительно нужно!

В этот безнадежно испорченный с самого начала вечер в его машине сидела очередная кукла, с которой он переспал уже три раза, а спать в четвертый не испытывал никакого желания.

Кукла же (ее имя он даже позабыл) была твердо уверена в их любви на всю оставшуюся жизнь и строила далеко идущие планы – насчет колец, мебели и каких-то там детей – короче, обо всем том, о чем мечтают все дуры на свете.

Он читал пустоту в ее накрашенных глазах. Эти глаза принадлежали такому же безликому существу, как и все остальные. Было ужасно скучно проводить остаток вечера в пустой болтовне, и он не мог дождаться того момента, когда дура наконец-то уберется из его машины и из его жизни.

А между тем она ни сделала ему ничего плохого, была доброй, заботливой и очень сексуальной. Она была молода, имела красивое ухоженное тело и с увлечением следила за собой. Очень красивая, достойная девушка! Но она не вызывала у него абсолютно ничего, даже сексуального возбуждения. И он прекрасно понимал, что причина не в ней, а в нем самом. Только вот для нее это останется загадкой на всю жизнь. Она проведет немало горьких минут, пытаясь разобраться в том, что сделала не так. Он же с самого начала определил – типичная продвинутая дура.

Она хлопала ресницами, кажется, не собираясь никуда выходить, и он уже подумывал о том, чтобы выгнать ее из машины какой-нибудь мерзкой фразой, как вдруг зазвонил его мобильный.

– Вадим Григорьевич, у нас ЧП! – раздался взволнованный голос его заместителя. – Проект сделан неправильно! У нас полетела смета!

– Коттедж? – нахмурился он, вспомнив роскошный особняк в сосновом лесу для одного вора-депутата.

– Именно! – подтвердил его заместитель. – Там такое наворочено – сам черт ногу сломит! Поэтому и звоню вечером. Утром поздно будет!

– Кто делал проект? – нахмурился Вадим.

– Да это пугало огородное, которое вы взяли на работу, – в сердцах сказал заместитель, – с зелеными волосами!

– Ах, эта! – он вспомнил уродливую неформалку, которая настолько насмешила его своим внешним видом, что он решил принять ее на работу. – А кто поручил ей проект коттеджа?

– Так вы же и поручили! – фыркнул заместитель, который далеко не всегда придерживался субординации. – Мы все еще тогда подумали, что у вас крыша поехала!

– Ладно, разберемся. Я сейчас подъеду! – закончил он разговор и обернулся к кукле.

– Извини, мне срочно нужно в офис – проблемы. Я же тебе говорил.

– Я понимаю! – тяжело вздохнула она и вышла из машины, напоследок посветив голыми коленками и оставив после себя запах дорогих духов, которые (он очень на это надеялся!) скоро выветрятся.

По дороге он начал закипать раздражением и злобой.

«Вот тварь! – думал он, вызывая в памяти женскую долговязую фигуру, которая нарисовалась перед ним весьма отчетливо. – Уволю на хрен! Она мне за это ответит!»

Проект депутатского коттеджа был слишком важен для фирмы. Вадим несся к офису буквально сломя голову, впрочем, испытывая трудно объяснимое чувство облегчения – будто гора весом в тонну навсегда свалилась с его плеч.

– Посмотрите только, что наделала эта тварь! – заместитель швырнул на стол красочную распечатку, вдоль и поперек исчерканную цветным маркером.

Начав читать, Вадим не поверил своим глазам.

– Что за чушь? Дополнительный камин в холле? Детская? Какая, на хрен, детская?! – его глаза буквально полезли на лоб, и он уже не сдерживался в выражениях, хотя всегда старался тщательно следить за своей речью. – Чем она обкурилась, эта сумасшедшая стерва?! Это же совершенно другой проект!

– О чем я вам и говорю, – заместитель пожал плечами. – Подрядчики составили план. Закупили все материалы. Когда смета взлетела буквально до потолка, я решил поинтересоваться, что происходит. И вот...

– Я просто ничего не понимаю! – он действительно чувствовал удивление. – Она казалась хорошим специалистом. Разве можно так ошибиться? Хорошо, допустим, можно ошибиться с дополнительным камином. Но детская в доме человека, который терпеть не может детей и у которого их нет – это что? Да это же красная тряпка для быка! Вы звонили ей?

– Звонил. Она не берет трубку, – заместитель снова пожал плечами, и Вадим вдруг подумал, что его очень раздражает это движение. – Наркоманка, наверное. Совсем обкуренная.

– Вы замечали за ней такое? Употребляет наркотики? – у него аж похолодело внутри, ведь сотрудник-наркоман – особенно если об этом станем известно – это прямой урон репутации фирмы, самая настоящая катастрофа!

– Да ничего я не замечал! Но вы не можете не согласиться, что она странная. Вы глаза ее видели? – заместитель испытывающе смотрел на шефа.

– При чем тут ее глаза? – теперь уже самому Вадиму захотелось передернуть плечами.

– А при том, что она смотрит вглубь себя – я заметил. И еще, – заместитель заговорщически понизил голос, – я хочу вам кое-что показать. Идемте!

Они прошли в комнату отдела дизайна интерьеров, где стояли столы сотрудников. К счастью, в этот глухой час в офисе не было никого, кроме них двоих, а в ожидании приезда директора заместитель предусмотрительно отключил видеосъемку.

Заместитель подвел Вадима к столу, который был захлавлен больше всех остальных. Выпавшие из папок бумаги лежали неопрятной грудой, готовые разлететься от малейшего толчка. Поверх бумаг валялись грязные картонные стаканчики из-под кофе и использованные бумажные салфетки. Это был такой бардак, что Вадим просто диву давался, как человек может устроить такой бедлам. Сам-то он до занудства придерживался порядку и даже в самом страшном кошмаре не смог бы представить себе этакий вот дизайнерский рабочий стол.

Ловко покопавшись в этой груде мусора, заместитель извлек из-под бумаг чертежный планшет, на котором проступало нечто вроде начального плана помещения.

– Ну и что?!

Вадим не понимал, зачем позволил себя втянуть в эту идиотскую комедию. Все это напоминало дурацкий театр абсурда.

– А вот, смотрите! – Заместитель с ловкостью перевернул лист. Их глазам предстал чертеж дизайна помещения того самого коттеджа, где было сделано столько ошибок. А поверх чертежа...

Поверх чертежа жирным угольно-черным карандашом была начерчена фигура ребенка, будто лежащая на полу. Ноги были неестественно раскинуты в стороны – так, как не бывает у живого человека. Это была девочка лет шести-семи, с двумя аккуратными косичками до плеч. На их концах красовались пышные ленты. Платице на девочке было в крупный горошек.

Эта застывшая фигура оставляла настолько жуткое ощущение, что Вадим почти физически почувствовал, как ему становится не по себе.

– Что это такое? – прошептал он, неестественно понизив голос.

– А вот про это я хотел бы у вас спросить! – заместитель от возбуждения даже повысил голос. – Вы приняли на работу сумасшедшую! Так что думать теперь об этом предстоит вам!

Резкий звук мобильного разорвал тишину и вывел обоих мужчин из оцепенения. Вадим машинально ответил на звонок.

– Слушаю... какая полиция?! – вдруг заорал он так, что заместитель даже подпрыгнул. – Что вы... да... ну да... моя сотрудница... Да, дизайн интерьера... нет, я могу подъехать прямо сейчас. Мы занимаемся этим проектом, и я не понимаю... что произошло? Насколько я помню, ее зовут Кравец Евгения Борисовна... Да, мой дизайнер. Проектом дизайнера занималась именно она... Хорошо, я выезжаю!

Закончив разговор, он уставился на своего заместителя так, словно видел его впервые.

– Да что случилось-то? – не выдержал тот.

– Эту сумасшедшую задержала в коттедже полиция, – сказал Вадим. – Она обнаружила там труп.

– Что?! – заместитель просто потерял дар речи.

– Насколько я понял, она находится в шоковом состоянии. Смогла внятно проговорить только название фирмы. Я поеду туда прямо сейчас.

– Зачем вам ехать туда на ночь глядя?! – запротестовал заместитель. – Это небезопасно! Ночью-то! Да и не должны вы заниматься такими делами!

– Насколько я помню, у этой сумасшедшей, как ты ее называешь, нет родственников. Да и в город она приехала недавно. Так что вытаскивать ее тоже придется мне.

– Ну, знаете... Не думал, что вы такой! – Заместитель снова пожал плечами, но на этот раз жест почему-то оставил Вадима равнодушным.

– А знаешь, мне это даже нравится, – с неожиданным энтузиазмом сказал Вадим. – Хоть какое-то разнообразие. Это даже интересно!

– Только вот что она делала в этом коттедже за городом так поздно вечером? – с подозрением сказал заместитель.

– Может, поехала свои ошибки исправлять, – усмехнулся Вадим. – В любом случае я узнаю об этом совсем скоро!

* * *

Уже было совсем темно, когда он свернул на дорогу за поселком. Впереди были видны яркие мигалки полицейских машин. Вадим остановился рядом с ними и протянул ближайшему патрульному свои документы. Его проводили внутрь.

Дом был не достроен. В самой большой комнате – согласно проекту первого этажа, это должна была быть гостиная – толпилось много людей. Он даже не разглядел в первый момент Джин. Она скорчилась на каком-то табурете и сидела неподвижно, спрятав дрожащие ладони между колен. Справа и слева нее возвышались два рослых мужчины. Один из них был в полицейской форме, второй в штатском. Тот, что в штатском, что-то говорил Джин. Она молча слушала, понутив голову, с каким-то странно непроницаемым выражением лица, как будто находилась вовсе не здесь.

Все это Вадим увидел потом. А вот первое, на что упал его взгляд, когда он протиснулся сквозь толпу, был ярко-красный с белым цветок посреди огромной пустой комнаты. И только потом, сделав несколько шагов вперед (его никто не остановил), Вадим понял, что это труп ребенка – труп маленькой девочки лет шести-семи в ярко-красном летнем платице в белый горошек.

Девочка лежала на животе, неестественно раскинув ноги. Лица ее было не видно. Были хорошо видны только две косички до плеч с пышными белоснежными бантами. От этой картины возникало ощущение какого-то нечеловеческого ужаса и вселенского одиночества.

Маленькая, словно переломленная фигурка казалась такой одинокой, такой потерянной в этом пространстве недостроенного дома, похожего теперь (Вадим вдруг отчетливо осознал это) на огромный саркофаг.

Но похолодел он совсем не от этой картины. Липкий ужас, от которого путаются мысли и леденеет, замирает кровь, он испытал по совершенно другой причине.

Все, что было в этой комнате, как две капли воды напоминало рисунок, который он только что видел на планшетке в своем офисе – рисунок на рабочем столе Джин.

Глава 3

Громкий, пронзительный, нестерпимый звук проходил сквозь стену, и Джин, проснувшись, ударила локтем и села в кровати, потирая ушибленное место. Ей казалось, что звук идет со всех сторон. Странное наваждение, особенно глубокой ночью.

Джин включила мобильник – гладкая сенсорная поверхность показывала половину третьего – точнее, 02.32.

И в который раз ее накрыла лавина звука, настырного, как зубная боль. Звук начался, как писк придавленной мыши, и быстро набирал обороты. Обороты нарастали, как повороты ключа. Писк мыши переходил в вой, а вой – в вибрацию на высоких частотах, которая завершалась диким ревом самого несчастного пациента в кресле у самого безжалостного стоматолога...

Нет, этого Джин просто не могла понять!

Какого черта заводить детей, чтобы изводить их таким варварским способом? Этот дурацкий младенец орал битый час. Неужели тем, кто за стенкой, так трудно сменить ему памперс, дать бутылочку со смесью или заткнуть рот соской?

Джин попыталась улечься, но вой младенца втрое усилился. Он был где-то совсем рядом. За стенкой. Может, даже рядом с кроватью. По другую сторону от того места, где находилась она.

Смятая простыня сбилась в комок, врезалась в ее разгоряченное тело. Джин металась на постели, как раненый зверь. Но дело было не только в том, что ее так варварски разбудили посреди ночи. Спать не давала душа – та самая душа, что сбивала ее мысли в комки – такие же, как на простыни. Вновь открывшаяся душевная рана завибрировала в такт воплям младенца.

Ночь была убита – и Джин была тоже убита. Смесью воплей, тоски, тревоги и боли в буквальном смысле разрывала ее мозг.

Джин вскочила с кровати и подошла к окну.

Город спал, погруженный в облако ночи, которая заботливо прикрывала все его острые углы. Джин казалось, что она плывет в этом душном облаке, завернутая в плотную махровую простыню, и ворс забивает ей рот. Дышать было тяжело – так тяжело, что Джин больше не могла этого выдержать. Метнувшись в кровати, она схватила с тумбочки мобильник...

Мобильник. Девственно чистый, как слеза ребенка. Как слеза того реактивного младенца, что разрывается за стенкой. Никаких сообщений. Никаких входящих звонков. Ничего ни от кого. Никогда больше. Как жестоко убита ночь!

Джин аккуратно положила мобильник на тумбочку и заставила себя больше на него не смотреть.

Она пошла в красную комнату, чтобы спрятаться от душасей тревоги. Вспыхнул яркий электрический свет. Капли крови сочились по стенам. Овальные, набухшие, как расцветающие весной почки... Джин вдруг показалось, что комната утопает в крови.

Кровь сочилась со всех сторон, капала яркими тяжелыми каплями, потоками стекала вниз с покрытых щербинами обоев. Это был багровый бал-маскарад, на котором вместо людей танцевали окровавленные видения смерти. В кровь превратилось золото, которое так щедро разбрызгивало днем заходящее солнце. Комната преобразилась. Повсюду была кровь.

Джин было не страшно – ей было как-то странно. Сочный, раздражающе-матовый цвет крови наполнял комнату странными отблесками жидкого металла; он будто застревал в глазах.

Она хотела было зажмуриться, но не смогла – слишком ярким было это видение, слишком сильным и странным было пагубное наваждение, нахлынувшее на нее. Джин вспомнились слова риелторши о том, что все, кто заходил сюда, почти с первого взгляда начинали ненавидеть эту квартиру.

Джин и тогда это показалось странным. Теперь – тем более. Эта комната, даже в кровавом мареве страшного видения, безудержно притягивала ее. Ей страшно нравились эти переливы кроваво-красного цвета – те самые, которые на всех прочих людей нагоняли тоску и ужас. На всех – но только не на нее! Джин купалась в этом видении, словно в кровавой ванне. Ей вдруг подумалось, что воображаемые примочки из свежей крови исцеляют ее раны, гасят и тревогу за будущее, и рвущую душу боль. Боль за очень страшного человека, который превратил ее душу в такой кровавый туман. Человека, растоптавшего и ее сердце, и ее мысли... Странно – Джин ни на секунду не переставала думать о нем...

Эта мысль-воспоминание словно встряхнула ее мозг, разрушила наваждение, вызванное красной комнатой. Джин будто случайно увидела оставленный на столе в центре комнаты ноутбук. Включила. Плюнула в собственную душу. Открыла страшную ссылку.

Больше ничто уже не могло ни спасти, ни очистить ее душу. Ее любовник (все ее существо разрывалось на части от необходимости сказать слово «бывший»!) в половине третьего ночи висел на сайте знакомств.

Онлайн... Ядовитая зеленая точка на яркой красочной фотографии. Улыбка. Взлохмаченные ветром волосы. На фотографии, которую снимала Джин...

Она и сама не понимала, отчего так страшно рвется на части ее душа.

Любовник. Человек, который случайно вошел в ее сердце, потому что по какой-то нелепой, дикой случайности она впустила его к себе внутрь. Человек, который был ее воздухом, ее солнцем, ее сердцем – был тем, кто больше всех тревожил нервные окончания ее мозга, тем, кто растворялся в потаенных глубинах ее сновидений.

Джин до сих пор чувствовала жесткость его твердых сильных рук на своем теле. Стоило подумать о нем, как каждую ее клетку будто обжигало огнем. Она млела, тонула, задыхалась и уже не боялась однажды вовсе не выкарабкаться на поверхность. И конечно, она захлебнулась, как и было суждено свыше! Захлебнулась точно таким же кровавым дождем, который теперь плясал на стенах красной комнаты. Только на тот раз на кровавые кусочки разорвалось ее собственное сердце, и по стенкам сосудов, по сухожилиям, по венам поползли вниз кровавые капли. Кровавые капли ее мучительных, так и не выплаканных слез...

Все было банально и просто. Джин влюбилась в этого человека. Было все: обещания жить до самой смерти под извечным девизом всех идиотов, мошенников и влюбленных – «Я хочу быть с тобой навсегда!»

Он так и говорил: «Я хочу быть с тобой навсегда, – и еще добавлял: – Не отвергай, не отталкивай мое сердце!» И конечно, держал за ручку, целовал пальцы, глубокомысленно заглядывая в глаза.

«Я клянусь, что никогда тебя не обижу. Я никогда не причиню тебе боль. Твоя история – то, что ты рассказала мне о себе – она разорвала мое сердце! Кем я должен быть, чтобы после этого обидеть тебя?! Я сделаю тебя счастливой! Я никогда тебя не оставлю, никогда не причиню боль. Я... Я... Я...»

Так все и говорилось – красиво, с придыханием, правдиво.

«Я тронут тем, что ты открыла мне свое сердце. Я никогда не причиню тебе боль!»

А потом пришла беда – бытовая беда, избитая, обыденная и потому страшная. И Джин обратилась к нему за помощью. Конечно же не надо было обращаться. Нет такой беды, с которой не могла бы справиться женщина в современном мире – даже самая слабая и ничтожная из всех.

Но в генах, в этих проклятых никчемных соединениях молекул, до сих пор заложена память миллиона глупых поколений: мужчина – это рыцарь. И если тебе когда-нибудь понадобится помощь – проси о ней у рыцаря. И Джин попросила – немного психуя, но при этом трогательно заглядывая ему в глаза.

Джин была готова уже растаять – вслед за собственным сердцем. Она готова была расплыться розовым слюнявым облаком от его еще не произнесенных слов. Она ждала тех слов, которые ждут все женщины на свете.

«Милая, успокойся, мы что-нибудь придумаем, не волнуйся». «Все будет хорошо, мы справимся, я подумаю, как тебе помочь». «Джин, ты знаешь, у меня сейчас проблемы на работе, но я обещаю тебе – как только мои дела наладятся, я обязательно постараюсь тебе помочь». «Давай сядем вместе и подумаем, как мы можем справиться с этой ситуацией». «Милая, не беспокойся и ни о чем не думай, я все решу». «Джин, ты сильная, я уверен, ты справишься, а я помогу тебе, чем смогу». «Может, я постараюсь тебе помочь, подсказав выход? Вместе мы решим все проблемы». И конечно, заключительную мантру, которая нужна женщинам в сто раз больше, чем оргазм: «Милая, не волнуйся, все будет хорошо, я с тобой!»

Но любовник вдруг посуровел и, так же преданно глядя в ее глаза, сказал: «Евгения, я ничем не могу тебе помочь, и я не стану этого делать. Бог тебе поможет».

А беда была реальной, она подступала к ее сердцу, к дверям ее дома, уже перешагнув старый затертый порог. И Джин было страшно, по-настоящему страшно, как бывает очень маленькой девочке, впервые попавшей в холодную незнакомую комнату. Душа ее обливалась кровью, а мысли путались, вспухая кровавыми пузырями. И в целом мире у нее не было никого больше, кроме этого человека, который когда-то держал ее за руку, преданно заглядывал в глаза и говорил, что не предаст и не обманет ее – никогда, никогда, никогда!

А за два часа до того они занимались любовью. Джин как могла ублажала его, разбивалась в лепешку, рассыпалась мелким бисером – так, как рассыпаются все женщины мира, пытаясь произвести впечатление на того, кто им по-настоящему дорог. А Джин тогда вовсе не было хорошо, но она врала, что ей так хорошо, как не было никогда. Она врала, потому что больше всего на свете хотела сделать для него все – и отдать ему все!

Джин готова была расщепить на кусочки свою собственную душу, разложить ее по атомам и обернуть его ноги, чтобы не дай бог его не потревожил обыкновенный сквозняк.

Джин отдавала ему не свое тело – не грудь и не то, что находится между ногами. Она отдавала ему свою душу – именно душой она занималась любовью. Той самой душой, что отродясь не слыхала грубое слово «трах» или более приличное слово «секс».

И ноги его, так боявшиеся простуды, были обернуты ее душой, которую Джин с радостью вырвала ради него из собственного тела. И делала она так не раз и не два, а он даже не подозревал, что творится с нею.

Джин не могла в это поверить.

«Бог поможет...»

Никто и никогда не говорил ей таких слов. А его ноги по-прежнему были закутаны в ее душу. И той самой рукой, в которой, клянясь, держал ее руку, он теперь нежно поглаживал ее.

И тогда Джин закричала. Она заистерила, завелась так, как все женщины на свете. Она визжала и плакала, глотая собственные сопли, будто кровавый дизентерийный понос. Она кричала, что он не мужчина, что ей не нужна ничья помощь, потому что она боец, потому что она воин. Кричала, что он мразь и она не простит его никогда. И по глупости, повинувшись самой обычной женской истерике, тут же заблокировала его на Фейсбуке – пыталась хоть так по-детски отомстить за свою боль.

Он ушел. Она провела бессонную ночь. К утру Джин была виновата во всем – и в первую очередь в своей собственной жизни. Джин была виновата в прошлогодней холодной зиме и в том, что осенью идет дождь. Джин была виновата в крике соседки под окнами и в собачьем лае, который по утрам беспокоил чей-то сонный покой. Конечно, Джин – кто же еще! – была виновата в росте курсе доллара и во всех бедах, которые происходят на земном шаре – в терактах, наводнениях и цунами. Страшно виновата была Джин в тропическом смерче, который стирал с лица земли дома и людей.

Именно глупость Джин вызывала землетрясения, автомобильные катастрофы, войны и стихийные бедствия. Всему виной были ее гнусный вспыльчивый характер и несдержанный язык.

Джин была виновата в том, что ходит на двух ногах, дышит воздухом и готовит яичницу себе на завтрак. Джин была абсолютно виноватой плоской, беспрецедентной, даже не обсуждаемой единицей вины.

Страшное чувство вины осаждало ее, осушало кровеносные сосуды и замораживало голову. И самое страшное – Джин уничтожала эта чудовищная вина перед ним.

Она проснулась такой виноватой, что по сравнению с этой виной меркли землетрясения, катастрофы и любые стихийные бедствия.

И теперь Джин знала – ей придется просить у него прощения, абсолютно за все просить прощения: за воздух, которым дышит, за свои глаза, которые до сих пор видят, за сердце, которое продолжает обливаться кровью – и никак не унять это артериальное кровотечение... А главное, ей придется выпросить прощение за то, что она вообще живет.

Джин открыла ноутбук, разблокировала его на Фейсбуке, послала приглашение к дружбе и сообщение: мол, она не хотела его обидеть и просит у него прощения – за вспыльчивость, за то, что не смог помочь, за все, за все...

Теперь он заблокировал Джин. Она позвонила – он сбросил звонок. Джин написала в Вайбере – он проигнорировал сообщение и ее заблокировал. Джин послала смску – он не ответил.

Джин решила поискать, где еще он зарегистрирован, на каких сайтах сидит. Для этого она взяла его фотографию, которую с трогательной нежностью хранила в компьютере. Воспользовавшись специальной программой, Джин идентифицировала картинку в Гугле.

Она нашла его очень быстро. Через несколько часов после ссоры, даже не сделав попытки ее вернуть, любовник (тот самый, у которого застывшие ноги были завернуты в душу Джин!) зарегистрировался на одном из самых крупных сайтов знакомств.

Он завел анкету для знакомств с девушками, воспользовавшись фотографией, которую сделала сама Джин, – он ведь знал, что эта фотография была для нее самой любимой! В анкете он указал возраст девушки (чем моложе, тем лучше), все свои данные подробно – рост, тип внешности, вес и даже сексуальные предпочтения. И в тот самый момент, когда Джин обнаружила его анкету, он как раз висел на сайте знакомств.

Боль, которую испытала Джин, была абсолютно убийственной. Около часа она не то что не могла прийти в себя – она просто не могла дышать. Джин лежала на полу, подтянув ноги к груди, в позе абортированного зародыша, и тихонько скулила. А на фотографии ее любовника ярко горела зеленая точка, означающая, что все это время он находится онлайн.

Спустя два часа Джин решила содрать с себя собственную кожу. Сделать это было необходимо как можно болезненней, ведь именно она была виновата во всем.

Джин зарегистрировалась на этом вонючем сайте под фальшивым именем и уже через сайт знакомств написала ему очень трогательное послание о том, что она просит у него прощения, что ничем не хотела его обидеть и не понимает, как может он причинять ей такую жуткую боль. Ведь он клялся, что никогда ее не обидит! Любовник мгновенно ее заблокировал.

Джин сошла с ума. В последующие три дня стала забрасывать его звонками, смсками, сообщениями – никакого ответа. Она завела новые почтовые адреса на Рамблере и Яндексe, чтобы с них снова зарегистрироваться на том самом сайте знакомств. Написала еще – он снова ее заблокировал. Написала в третий раз – бесполезно...

Он по-прежнему так и не ответил ни на один ее телефонный звонок. Все вечера и часть ночи он проводил исключительно на сайте знакомств, а Джин следила за ним, заглядывая кровавые сопли.

Джин попросила смской хотя бы написать ей, что между ними все кончено. Он ничего не ответил. Она окончательно лишилась рассудка. А потом общие знакомые сообщили ей, что видели его с девушками – с одной, другой, третьей. Они гуляли по центральным улицам, сидели в кафе. Зная его натуру, Джин не сомневалась, что он спит с ними. Он держит их за ручку и клянется, говорит всякие милые глупости и целует так, как когда-то целовал ее.

Джин похудела на полтора десятка килограммов. Она пыталась встречаться с кем-то, но с первого же свидания убежала в слезах и соплях. На следующем же свидании вела себя так глупо, что приличный во всех отношениях мужчина ей больше никогда не перезвонил. Для Джин все было кончено. Она при жизни превратилась в свой собственный призрак, не могла делать то, что делала прежде. Даже простое открывание крышки ноутбука как будто причиняло ей физическую боль.

Компьютер и телефон были самыми страшными орудиями ее мучительной пытки и последующей казни. Ведь было ясно, что ее любовник всегда доступен, но даже не пытается ее искать. Но хуже всего обстояли дела с компьютером. Рука Джин сама тянулась открыть ненавистную ссылку и увидеть, что ее любовник неотступно висит на сайте знакомств.

Она клялась себе этого не делать. Гасла и истощалась от почти физической боли. Но, как наркоман тянется к своей привычной дозе, а алкоголик к стакану, Джин тянулась к злополучной ссылке, чтобы снова и снова причинить себе боль.

Она решила уехать (как будто можно сбежать от интернета!), нашла работу в другом крупном городе, расположенном достаточно далеко. Написала бывшему любовнику (все вокруг упорно заставляли ее произносить это слово «бывшему», а она никак не могла научиться называть его так), что уезжает в другое место. И снова никакого ответа.

Первая работа оказалась неудачной. Она долго мыкалась по съемным квартирам и жила даже в хостеле. Это было ужасно! На сайте знакомств ее любовник получал подарки от разных девушек; там всегда горела зеленая точка – чуть ли не круглые сутки он был онлайн.

Не было такой казни, которую Джин не решила бы испытать на себе. С утра до ночи она твердила, что во всем виновата сама. Она подтолкнула его к этому! Она отдала его другим женщинам! Она заставила его причинять себе боль! Она своими руками разрушила собственное счастье, растерла в порошок, сожгла дотла, поэтому он никогда не вернется к ней. Он никогда не простит, что она тогда попросила его о помощи. Он воспользовался ее истерикой как предлогом, потому что на самом деле никогда не любил, ничего к ней не испытывал. А раз так, то во всем виновата только она одна! Кто же еще, как не она? Некому больше! Она не сумела заставить его в себя влюбиться, она не заинтересовала его. Она, она, она...

Рядом с Джин не было ни одного человека, который открытым текстом сказал бы ей, что она полная идиотка, если страдает за мудаком, который не стоит ее слез. Что не она виновата, что он просто козел, уродливая мутировавшая скотина с мозгами без извилин, которых развелось слишком много в современном обществе в последнее время. И что он действительно не мужчина, а существо среднего пола, не способное разбираться в женщинах. Он не понимает, что весь этот вонючий сайт тупости, разврата и похоти, превращающий людей в уродливых деградирующих дегенератов-мутантов, даже мизинца Джин не стоит! Но этого ей никто не сказал...

Джин сидела в красной комнате перед ноутбуком, глядя на зеленую точку и глотая слезы.

Потом раздался плач ребенка. Джин так и подскочила на месте. Но у этой комнаты стены выходили на другую сторону. Почему здесь?!

Какофония звуков наплывала сразу со всех сторон. Джин замерла, потом машинально захлопнула ноутбук и прислушалась.

Детский плач звучал все громче и громче.

Глава 4

Джин заметалась по комнате. Детский плач звучал сразу со всех сторон. Она подбежала к стене, которая, по ее мнению, могла соседствовать с той самой квартирой, откуда доносился этот ужасающий вой. Изо всех сил стала колотить кулаком. Словно в насмешку, с какой-то особой издевкой, плач зазвучал еще громче.

Джин не выдержала. Взглянув на часы, которые показывали 3.15 (это ночи или уже утра? – она никогда не разбиралась во времени), решила выйти в коридор и постучать в соседскую дверь.

«В конце концов, – успокаивала себя Джин, – наверное, эти люди издеваются над ребенком, если он орет столько часов подряд. Нельзя быть такой равнодушной! Нужно принять хоть какие-то меры!»

Нервы ее были расшатаны до предела – она больше не могла обходиться полумерами. Все, что ей сейчас хотелось – сидеть в тишине за ноутбуком, упиваясь своей нестерпимой болью.

Накинув поверх пижамы футболку (это придало ей более приличный вид), Джин выскочила в коридор.

На лестничной клетке было всего две двери – ее и соседская. Именно из-за этой единственной соседской двери доносился истерический плач ребенка. Дверь выглядела потертой и старой, с облупившейся краской. «Небось, бомжи какие-то!» – подумала Джин, сверля ненавистную дверь таким пристальным взглядом, будто пыталась, как по волшебству, пройти сквозь нее.

Звонка у двери не было. Джин хмыкнула и громко забарабанила в дверь кулаком. Не последовало никакого ответа. Станным было еще и другое: детские крики не долетали сюда, в коридор. Джин прислушалась – тишина за соседской дверью просто пугала. Никаких звуков младенческого плача!

Ей вдруг стало совсем не по себе. Она снова принялась стучать в дверь – уже не так решительно.

Вдруг откуда-то со стороны послышались шаги. Джин отпрянула от двери. Сверху по лестнице спускался молодой мужчина, деловито поглядывая в мерцающий телефон. На нем были светло-серые летние брюки и рубашка в темную клетку.

В коридоре горела лампочка, и Джин разглядела, что незнакомец очень хорош собой. Черные вьющиеся волосы, спадающие на плечи, волевой подбородок, выразительное лицо. Такие нравятся женщинам. «Но я – это не все женщины! – твердо сказала себе Джин и даже разозлилась на саму себя за то, что заметила столько подробностей. – Какое мне до него дело? Пусть идет лесом, как все!»

От этой мысли ей стало немного легче.

Похоже, незнакомец переписывался с кем-то в телефоне (странное занятие в начале четвертого ночи – или уже утра!). Дойдя до лестничной площадки, незнакомец вдруг остановился, оторвался от телефона и вскинул удивленные глаза на Джин.

– Простите, вам нужна помощь?

Джин тут же заметила, что у него удивительно красивые, выразительные светло-серые глаза с легким стальным блеском, которые смотрели как-то очень тепло и участливо. Джин просто застыла на месте, понимая, как жутко она сейчас выглядит – с волосами, торчащими во все стороны, в психоделической пижаме с дурацкими белыми кроликами на черном фоне, поверх которой накинута футболка... Белые придурки-кролики на черном фоне – ну точь-в-точь ее жизнь!

– Нет, – в голосе Джин слышалась агрессия; она даже не пыталась ее смягчить. – А вы что, живете в этом доме?

– Нет, – незнакомец покачал головой. – Я к другу заходил.

– Жаль, – вздохнула Джин. – Я хотела узнать, кто живет в этой квартире, вот здесь, рядом с моей. Они не дают мне ни минуты покоя!

– Да, это ужасно, – снова покачал головой незнакомец. – Это ужас, когда не дают спать. Что же они делают – ссорятся или врубили громкую музыку?

– Я, в общем, не сплю, – с непонятным ей самой чувством собственного достоинства ответила Джин. – Я... я работаю за компьютером. А у них за стенкой орет ребенок! Это мешает мне сосредоточиться. Я так не могу...

– Плачет ребенок? – незнакомец посмотрел на нее с каким-то странным выражением. – Вы уверены?

– Но я же не сумасшедшая! – пожалала плечами Джин. – Конечно, уверена!

– Простите, я не то хотел сказать, – смутился незнакомец. – Может, там шумят не так громко? Может, вы просто устали... Пересидели за компьютером... Ночью-то...

– Громче некуда! – Джин посмотрела на него с неприязнью. – Это просто какой-то жуткий вой! То есть крик младенца... Кожу они там с него сдирают, что ли?!

– А знаете, что я вам скажу? – в глазах незнакомца вдруг сверкнул озорной огонек. – Вам надо отвлечься от вашего компьютера! Отдохнуть от него полностью. Вам просто необходимо это сделать! Выйти на чистый воздух, немного пройтись... Давайте пойдем с вами пить кофе!

– Какой кофе в начале четвертого ночи?! – Джин вскинула на незнакомца глаза.

– А почему бы и нет? Вы, вот, не спите, я тоже. Почему бы вам не развеяться, не успокоиться, не совершить такой сумасбродный поступок?

Джин вдруг показалось, что глаза незнакомца внимательно наблюдают за ней. Он будто ждал ее ответа с каким-то странным, непонятным ей волнением, будто от этого зависит что-то важное. Это было невероятно странное ощущение! Джин не могла его объяснить, но, между тем, ей казалось, что так оно и есть на самом деле: незнакомец волнуется!

– Да ведь закрыто все уже, все кафе и прочее, – вдруг сорвалось с языка Джин, и она тут же прикусила губу.

Да что это такое, в самом деле! Можно подумать, она воспринимает его слова серьезно!

– Нет, не все! – незнакомец улыбнулся такой очаровательной улыбкой, что у Джин невольно что-то екнуло в сердце. – Я знаю много мест, где можно получить отличный кофе даже в начале четвертого утра. Вы не поверите, но это будет здорово!

– Я же в пижаме! – проговорила Джин – это было первое, что пришло ей в голову.

– Ничего страшного! – с той же очаровательной улыбкой незнакомец покачал головой. – Вы можете переодеться. Я подожду. Я готов ждать, сколько угодно!

– А я... я не готова! – выпалила Джин. – И я вообще-то не пью кофе ночью!

– Это не важно. Можно выпить соку, если хотите. Вам просто надо выйти на воздух – выйти из квартиры.

– Не хочу я никуда выходить! – Джин пожалала плечами. – Я даже и не собиралась это делать!

– А знаете, что я вам скажу...

Глаза незнакомца вдруг сделались пристальными и пронзительными. Этот взгляд гипнотизировал, притягивал к себе все ее существо с такой силой, что от этого невероятно энергетического взгляда по телу Джин прошел непонятный холодок, застывая в самых кончиках пальцев.

– ...вам просто необходимо оторваться от компьютера! Вам нужно изменить свою жизнь. То, что вы делаете по ночам за компьютером, не приведет ни к чему хорошему. Вы должны изменить свою жизнь. У вас есть выбор!

– Не буду я ничего менять! – буркнула Джин, пораженная непонятной силой и страстью, вдруг прозвучавшими в простых словах незнакомца. Пожалуй, поразили ее не столько сами

слова, сколько их смысл, сколько звучащая в них сила. – Я даже не думала об этом... И потом, откуда вы знаете, что я делаю по ночам?

– Что бы вы ни делали, вам от этого плохо. Это портит вашу жизнь. Иначе вы не стояли бы сейчас здесь на лестничной клетке. Подумайте! Вам необходимо это сделать! – незнакомец говорил слишком убедительно. – Выключите компьютер. Оденьтесь. Выйдите из квартиры. Забудьте все, что было до этого, абсолютно все! И пойдёмте вместе со мной пить кофе. Хорошенько подумайте! У вас еще есть выбор.

– Да какой такой выбор? В чем он заключается? – Джин вдруг встала на дыбы, впадая в непонятную ярость. – Что вы вообще от меня хотите?!

– Я хочу угостить вас кофе или соком, – улыбнулся незнакомец. – И я хочу, чтобы вы изменили свою жизнь. У вас еще есть выбор. Иначе...

– Что «иначе»? – Джин просто затряслась от злости.

– ...иначе дороги назад не будет, это я вам точно говорю, – голос незнакомца вдруг зазвучал предельно серьезно. – Вы себя погубите, и менять что-либо будет уже поздно.

– Поздно?! – после этих зловещих слов незнакомца Джин вдруг снова ощутила холодок, бегущий по спине.

Но это был уже не тот легкий холодок, который лишь чуть-чуть обморозил ее. Это был чудовищный холод обжигающей душу зимы, от которого леденеет кровь и стынут любые мысли. Но это странное состояние, близкое к настоящей панике, почему-то вызвало у Джин не страх, не смирение, а ей самой непонятную ярость.

Да что себе позволяет этот урод! Что она сама хочет, то и делает со своей жизнью! Бросить все, чем жила до того момента, и пойти неизвестно с кем, неизвестно куда?! Да лучше уж продолжать травить свою душу привычной болью! Это ее боль, ее прошлое, и она не собирается отказываться от него! Может, ей еще удастся вернуть своего любовника... Может, до этого осталось всего лишь несколько шагов! Может быть, цель ближе, чем она думает! Может... Может... У нее хотя бы есть шанс обдумать все толком, сидя в тишине...

И вместо этого идти пить кофе ночью с первым встречным?! Зачем?! Что он может показать ей такого, что она не видела никогда? Зачем ей искать что-то новое и вообще – выходить из привычной зоны комфорта?

Джин передернула плечами. В ней бушевала черная, горящая ярость – это кипела разбитая, разорванная на куски душа.

Отступив на пару шагов, Джин окинула незнакомца диким взглядом и вдруг завопила во все горло – неожиданно для самой себя:

– Да пошел ты куда подальше со своим выбором!..

Она вбежала в свою квартиру и с грохотом захлопнула дверь.

Только сейчас, за закрытой дверью, Джин наконец почувствовала себя в безопасности.

Она бранила себя последними словами.

«Ненормальная! Это ж надо быть такой идиоткой, чтобы выскакать из квартиры в начале четвертого ночи, да еще и беседовать неизвестно с кем! Да мало ли какого маньяка можно встретить в это время!»

Джин прошла в гостиную, где оставила ноутбук, и остановилась в недоумении. Тишина. Вместо истерического детского плача комнату наполняла благословенная, благостная тишина, которая снисходила на ее встревоженную душу, как мягкое, обволакивающее теплое облако.

Вздыхнув с облегчением, Джин открыла ноутбук. Пошевелила мышкой, чтобы вывести из спящего режима. Но вместо яркой картинки ее глазам вдруг предстал мертвый, абсолютно синий экран, котором совсем ничего не было.

Джин едва не завопила от ярости! Выключила, включила – без толку! Защелкала кнопками, снова выключила, включила – компьютер не подавал признаков жизни; как говорится, ноль реакции.

От злости и разочарования слезы потекли по ее щекам. Ну надо же, как не вовремя! А она только хотела просмотреть список потенциальных девиц, чтобы вычислить, с кем может ночью переписываться ее любовник! Надо же – только в голову пришла такая блестящая мысль, и тут сломался компьютер! Джин хотелось выть от злости.

Она включала ноутбук, выключала, давила на кнопки, но ничего не выходило. Джин разбиралась в компьютерах только на уровне пользователя. Единственное, что могла понять даже она – по всей видимости, компьютер безнадежно испорчен. Возможно, вирус – или она случайно нажала что-нибудь не так.

Мертвый экран – значит, мертвый. Значит, с утра первым делом необходимо найти мастера и отнести ноутбук в ремонт. Это единственное и важное, что стоит теперь сделать. С глубоким сожалением и даже отчаянием Джин окончательно закрыла крышку ноутбука. Потом вернулась в спальню и свалилась в постель, не забыв поставить будильник на семь утра, чтобы с самого начала дня, пораньше, заняться ремонтом. Ведь ноутбук вместе с интернетом буквально прирос к ее коже, и без него она уже не сможет жить. Падая в беспросветный сон, Джин все-таки отметила про себя, что соседский ребенок совсем перестал плакать. Никакого плача!..

* * *

– Похоже, вирус, – молодой компьютерщик в мастерской по соседству пожал плечами. – Нужно будет почистить диск, а затем восстановить все программы заново. Это будет самый лучший выход. Но...

– Но что? – Джин сразу уцепилась за это слово.

– ...но все данные будут потеряны. Вся информация, которая есть в компьютере. Если, конечно, вы не сохранили ее на другом носителе.

– Да бог с ней, с этой информацией! – Джин пожал плечами. – Ничего там нет особенного... хотя...

– Говорите, что вы вспомнили! – подбодрил ее компьютерщик.

– А ссылки на те сайты, на которые я заходила, тоже будут удалены? – спросила Джин.

– Разумеется, да. Но вы без труда сможете восстановить их, найдете в интернете. Зайдете заново на Фейсбук, «Вконтакте», Твиттер – куда вы еще заходили? В этом нет ничего сложного. Я покажу как! – Компьютерщик смотрел на нее с плохо скрываемой иронией.

– Хорошо, – вздохнула Джин, – пусть так. Сколько времени займет ремонт?

– Боюсь, не меньше, чем две недели, – ответил компьютерщик.

– Сколько?! – едва не вскрикнула Джин.

– Две недели минимум. Мы сейчас перегружены работой. Масса заказов! Но вы можете проверять электронную почту и заходить на сайты с телефона.

– Мне нужен только мой ноутбук, – покривила душой Джин.

Дело в том, что только в компьютере была папка, где хранились фотографии ее любовника. В телефоне же их не было. А помыслить о том, что две недели она не будет увидеть его фото, Джин даже не могла.

– А можно сделать побыстрее? Пожалуйста! – умоляющим тоном попросила Джин.

– Это будет стоить намного дороже, ведь нам придется отказаться от других заказов, – пожал плечами компьютерщик. – Да и вам это будет невыгодно: сумма выйдет страшная! И потом, поймите: я пока сам не знаю, что произошло с вашим ноутбуком, я должен его продиагностировать. А если полетела какая-то важная деталь и придется искать новую? Не все детали для ноутбуков есть в наличии для такой марки, как ваша. В самом худшем случае нам придется выписывать ее из Европы и ждать доставки. Это займет еще больше времени. Вы, конечно, можете обратиться в другую мастерскую, но там вам скажут то же самое.

– То есть вы говорите, что если полетела деталь, то чинить будете еще дольше? – из всей его речи Джин поняла только это.

– Да, конечно. Я же не Господь Бог, – парень пожал плечами. – Я не могу вам так, на ходу, сказать, что произошло с вашим ноутбуком. Я должен произвести диагностику.

Джин убивалась не из-за того, что не сможет зайти в интернет – на тот же сайт знакомств она могла без проблем попасть с телефона. Джин убивалась по тем фотографиям, которые были в компьютере: они будут потеряны безвозвратно. К тому же, ей просто удобнее было пользоваться ноутбуком, чем телефоном.

Джин забрала ноутбук и отправилась во вторую, третью мастерскую: везде говорили одно и то же. Только в четвертой мастерской у нее появилась надежда.

– У нас есть специальная программа, – сказал парень на приемке. – Она позволяет восстановить на компьютере всю информацию, которая была на жестком диске.

– И фотографии? – с замиранием сердца спросила Джин.

– Да, и фотографии, – кивнул парень, – но стоить это будет столько-то...

Когда он назвал сумму, у Джин потемнело в глазах. Таких денег у нее не было. Зарплата на работе ожидалась только через месяц, а все свои сбережения Джин уже потратила на аренду квартиры и на покупку кое-каких съестных припасов, на которых она решила продержаться до конца месяца.

Но эта мастерская отличалась от всех прочих! Здесь ей обещали восстановить информацию. Да – и еще обещали выполнить всю работу за одну неделю. Значит, его фотографии не будут потеряны. Значит...

И Джин сдала ноутбук в ремонт именно в эту мастерскую. К счастью, оплачивать работу нужно было только по выполнению, когда все будет готово. Она пообещала самой себе, что любым путем раздобудет деньги, придумает что-нибудь! Она обязательно сможет!

Джин отправилась на работу в офис. Все ее мысли были о фотографиях в сломанном компьютере. Работая над проектом дизайнера особняка (срочный заказ, выполнить который было необходимо до конца дня), она совершенно не думала о том, что делает, да и вообще не обращала ни на кого никакого внимания. К тому же мысли ее немного путались после бессонной ночи.

Джин не выдержала и с телефона зашла на сайт знакомств. Ее любовник был там, где же еще ему быть?! Ей снова захотелось плакать. Конечно, она могла утешаться тем, что если он висит на сайте, то значит, пока никого не нашел. Но Джин знала, что это неправда. Он постоянно встречался с девушками. Он спал с ними. Он клялся им в любви так же, как когда-то клялся ей самой. Он навсегда вычеркнул Джин из своего лживого и подлого сердца!

В обеденный перерыв (наплакавшись вволю в туалете и промыв глаза холодной водой) Джин решила позвонить риелтору, которая сдала ей эту квартиру.

– Почему вы не предупредили меня, что за стенкой такие шумные соседи? – с ходу спросила Джин.

– Простите? – в голосе риелтора прозвучало такое неприкрытое изумление, что Джин не поверила своим ушам. Чокнутая эта риелторша, что ли?!

– Соседи шумные, говорю, – тяжело вздохнула Джин, – ребенок все время плачет за стенкой. Покоя никакого нет! Я сегодня не спала всю ночь. Кто там живет? С ними можно поговорить, как вы думаете?

– «Кто там живет?» Вы так спросили? – в голосе риелтора зазвучало еще большее изумление. – Простите... Я даже не знаю, что вам сказать... Я...

– Вы можете это выяснить? – Джин начала злиться.

Она сняла жилье за такие деньги, а ее будто держат за сумасшедшую!

– Хорошо, я... – риелторша прокашлялась – так кашляют, когда не могут говорить, – я это выясню... Я вам перезвоню... У меня важный звонок по другой линии.

– Лучше я сама вам перезвоню! – В сердцах Джин дала отбой.

* * *

Поздно вечером она вошла в парадное. Было темно. Настроение у нее было самое убитое.

– Ах, простите! – вдруг прозвучал прямо над головой тихий голос.

Джин щелкнула выключателем. В парадном зажегся свет. Странно, что до сих пор никто его не включил.

На ступеньках лестницы стояла благообразная старушка – вроде тех, что изображали на старинных гравюрах. Джин просто поразил ее наряд: длинное, до самого пола платье, поверх которого было накинуто что-то вроде мантильи бордового цвета, отороченной пушистым серо-белым мехом. На голове у старушки была лиловая шляпка с настоящей черной вуалеткой, спускающейся на лоб. Руки, высохшие, сморщенные, были затянuty нитяными черными митенками (Джин не сразу вспомнила это слово – это перчатки без пальцев; такие носили лет сто пятьдесят назад, в девятнадцатом веке).

Белоснежные волосы старушки под шляпкой были стянуты и собраны в тугий пучок. В руках она держала вышитый бисером ридикюль – такого же, как и шляпка, сочного лилового цвета.

– Простите, дитя мое, я напугала вас. – У старушки было очень миловидное, приятное лицо, а улыбка так и лучилась добротой и искренностью.

– Да ничего! – улыбнулась в ответ Джин, у которой от теплой, ласковой улыбки старушки немного отлегло от сердца.

– О, пусть вас не смущает мой вид! Я собралась на костюмированный бал. Это отличное развлечение в моем возрасте, вы не находите? – хихикнула старушка.

– Конечно, – из вежливости улыбнулась Джин. Она даже не могла вообразить, что в наши дни кто-то устраивает балы-маскарады. – Вы живете в этом доме?

– Да, разумеется! Так же, как теперь и вы. Мы всегда будем соседями, – сказала старушка. – О, простите, дитя мое, я опаздываю. Мне не позволительно долго разговаривать с вами. Но мы еще побеседуем!

Когда за странной соседкой захлопнулась входная дверь, Джин стала подниматься по лестнице. «Дом с причудами!» – подумала она.

Джин уже вошла в квартиру, закрыв дверь за собой, как сразу же раздался телефонный звонок.

– Хочешь подзаработать? – спросил грубый мужской голос.

Разговор был отвратительный. Звонил подрядчик, уговаривая Джин увеличить проект на одну фальшивую комнату. Это заставило бы хозяев коттеджа увеличить расход на смету, то есть на строительные материалы. За это Джин предлагалось вознаграждение – ровно та сумма, которая была необходима для ремонта компьютера.

Согласиться означало обмануть фирму, где ей дали работу, а вдобавок обмануть клиентов, которые доверились фирме. Это было противно и безобразно. К тому же, рано или поздно обман раскроется и ее выгонят с работы. Но Джин были срочно нужны деньги, и она готова была пойти на что угодно.

Подрядчик велел ей по-тихому подъехать к коттеджу через два часа, пообещав, что деньги передаст на месте. За это, как уже было сказано, Джин должна была разработать фальшивый план и фальшивую смету. Она согласилась и скрепя сердце стала собираться в Сосновый Бор – так назывался коттеджный поселок...

Глава 5

– Она задержана? – в голосе Вадима звучало плохо скрытое раздражение.

– Пока что нет, – полицейский следователь окинул его тяжелым взглядом, словно хотел что-то сказать, но вдруг передумал.

– Выходит, она может отправляться домой?

При этих словах Вадиму очень хотелось свысока передернуть плечами, но он не осмелился. Ему было очень страшно. И дело было не только в трупе ребенка, который в этот момент как раз упаковывали в черный прорезиненный мешок, а во всей той атмосфере холодного ужаса, которая отныне и навсегда наполнит этот недостроенный дом.

– Пока что нет, – следователь нахмурился. – Ваша сотрудница отказалась объяснить, что она здесь делает.

– Она меня выгораживает, – Вадим смело выдержал взгляд полицейского. – Это я отправил ее сюда, в этот дом. Велел исправить ошибки, которые она допустила в проекте. Приказал ехать на ночь глядя. Был с ней груб. Накричал на нее. Сказал, что если не поедет немедленно, то я ее уволю. Судя по всему, она поехала... А кто вызвал полицию?

– Рабочий, – следователь старался говорить немногословно.

Похоже, это вошло у него в привычку. Подобный лаконизм неприятно давил на окружающих.

– Из поселка? Или тот, который работал в доме? – уточнил Вадим.

– Работал в доме, – сказал следователь.

– И что же моя сотрудница? При чем она здесь? – Вадим пытался взять себя в руки.

– Рабочий вошел в дом. Она стояла над трупом.

Казалось, слова из следователя нужно вытягивать клещами.

– Но девочка уже была мертва? Или это она ее убила, зарезала? – съехидничал Вадим.

– Ребенка задушили, – ответил следователь.

– Эта девушка... моя сотрудница, сделать такое не могла, – Вадим сам не понимал, зачем это сказал.

Какое, действительно, было ему дело до этой уродины, которая сейчас сидела на стуле, как взъерошенная птица! Рыцарские гены, не иначе. Дурная привычка из детства, когда мальчикам внушают, что они должны быть рыцарями. Ему именно это внушали. Сейчас совсем другое время, и все уже не так.

– Знаю, – кивнул следователь, – ребенок мертв уже несколько часов. Он был мертв задолго до появления вашей сотрудницы.

– А кто эта девочка? – спросил Вадим.

Он прекрасно помнил, что у хозяина коттеджа не просто не было детей – он их на дух не переносил.

– Выясняем. Возможно, местная. Из поселка.

– Ее... – тут Вадим запнулся, – изнасиловали?

– Нет, – ответил следователь.

– То есть просто задушили?

Вадим сам не понимал, зачем ему эти отвратительные подробности.

– Возможно, – следователь впери в него тяжелый взгляд. – А вам-то какая разница?

– Так... просто...

Вадим и сам не знал, что ответить.

Джин зашевелилась на своем стуле. Она была бледна, но не походила на человека в состоянии глубокого шока. Скорее всего, выглядела просто перепуганной, не более.

– Я же рассказала вам все... почти все, – подала голос Джин. – Я вошла и увидела... вот это... А потом пришел рабочий. Он вызвал полицию, а я вышла на улицу. Я даже ничего не трогала.

– Вы действительно приехали сюда исправлять ошибки в проекте, как говорит ваш работодатель? – следователь смотрел на нее с откровенным подозрением. Джин ему явно не нравилась.

– Ну да... раз работодатель так говорит, – неуверенно ответила Джин.

Эта неуверенность не скрылась от пристального взгляда следователя.

– Что вы мне врите? – в его тоне была слышна злость.

– Ничего! Оставьте меня в покое! – с такой же злостью отрезала Джин.

Вадим изумленно выпучил глаза. До сих пор он не подозревал о том, что у нее вообще есть характер. Здесь, сидя на месте преступления, где произошло зверское убийство, она сперва выглядела бесхребетной куклой, куском пластмассы, из которого вытащили все резинки и пружинки. До того, в офисе, она вообще казалась ему больной на голову. Вадим сам не понимал, почему взял ее на работу. А теперь... Теперь в ней появилось что-то новое. Он смотрел на Джин с удивлением.

– И вообще, почему вы подозреваете меня? – выпалила Джин. – Сколько рабочих постоянно находятся в доме? В этом доме полно людей! И все ходят туда-сюда! Вы прицепились ко мне только потому, что она не была изнасилована?

– Вас никто не подозревает, – заметил следователь. – Пока не подозревает.

– А чем ее задушили? – вдруг спросил Вадим.

– Это покажет экспертиза, – зло сверкнул глазами следователь.

Джин отпустили. Ей дали подписать какие-то бумаги – кучу всевозможных бумаг- и наконец выпустили. Слегка пошатываясь, она поплелась к двери. Вадим догнал ее, тронул за локоть.

– Идем. Я тебя довезу.

– Сама доберись! – фыркнула Джин.

– Допрыгаешься, идиотка! – он с силой дернул ее за руку. – Пошла, кому говорят!

Джин вскинула на Вадима удивленные глаза. Он вдруг заметил, что глаза у нее потрясающие – зеленые, с поволокой, и совсем невинные, как у маленького ребенка. Они придавали лицу Джин трогательное выражение игрушечной фарфоровой куклы, и Вадиму вдруг захотелось защитить ее, взять под крыло. Это странное чувство было таким неожиданным, что он даже рассердился на себя. Еще чего не хватало! Но эти глаза раненого олененка... Они выглядели еще более трогательно рядом с психоделическим ежиком дурацких зеленых волос. Впервые Вадим поймал себя на мысли, что его уже не раздражают ее волосы. Черт знает что!

К его огромному удивлению, Джин не рассердилась, не вспыхнула, а покорно пошла за ним следом, время от времени слегка фыркая. Но Вадиму даже понравилось это странное проявление характера – будто это фыркал шенок, которого все привыкли не принимать всерьез.

За ними, между тем, наблюдали. Обернувшись, Вадим увидел злые глаза следователя: тот как раз что-то говорил двум в штатском. Должно быть, полицейский жалел, что отпустил Джин.

– Что? – Джин снова вскинула глаза. – Он думает, что это я ее задушила?

– Заткнись, Евгения! – в сердцах рявкнул Вадим.

Глупая девчонка говорила слишком громко. Ее дурацкие неосмотрительные слова вполне могли долететь туда, где их не должны были слышать.

– Джин, – уже громче фыркнула она.

– Чего? – не понял Вадим.

– Джин, говорю. Меня никто не называет Евгенией.

– Что за дурацкая кличка? – он передернул плечами – на этот раз с наслаждением: больше не нужно скрывать свои эмоции.

Они уже вышли из дома и шли к джипу, припаркованному среди темных сосен. Тусклый фонарь над домом едва освещал сгустившуюся темноту.

– Как водка, – фыркнула она. – Джин – та же водка, только звучит красиво.

– Ты еще и бухаешь! – не удержался от смеха Вадим. – Ну и тараканы у тебя в башке!

– На своих посмотри! – огрызнулась она.

Он расхохотался. В этой ситуации не было вообще ничего смешного. Вадим наверняка потерял клиента, в доме которого произошло жуткое убийство (депутат теперь точно не захочет этот дом, просто спихнет его кому-нибудь по дешевке), плетется ночью через лес черт знает где в сопровождении этого дурацкого чучела, которое невесть откуда свалилось на его голову. Это ей, между прочим, он дает работу, а она ему тыкает, хамит и утверждает, что у него тоже тараканы в голове.

Вадим смеялся и смеялся и вдруг поймал себя на мысли, что смеется впервые за много месяцев. Эта мысль повергла его в шок.

Они остановились возле машины. Вадим пиликнул сигнализацией.

– Садись.

– Что, и до дома довезешь? – в голосе дерзкой девчонки звучала издевка.

– Садись, дура! – улыбнулся он.

– Да ладно, – Джин с легкостью уселась на переднее сиденье. – Что я, не понимаю, что ли? Завтра в офисе я тыкать не стану и сделаю вид, что вообще с вами не знакома. Так что ничего не произошло!

– Если к тому времени я тебя не уволю.

– Увольняй! – дерзкая девчонка пожалала плечами. – Мне как-то все равно. После того, что я увидела сегодня, мне действительно все равно.

Вадим сел в машину, захлопнул за собой дверь, но отъезжать не спешил.

– Чего ждем? – поинтересовалась она.

– А теперь говори – все, как есть. Хватит туфту гнать! – скомандовал он. – Говори все, как есть – и быстро! И помни: ты вляпалась в дерьмо, а я тебя вытащил. Я не обязан был тебя из полиции вытаскивать!

– Тогда зачем ты это сделал? – Джин уставилась на него. – Зачем ты следователю наврал?

– Не знаю, – он пожал плечами и задал вопрос в лоб: – Это ты убила ребенка?

– Господь с тобой! – вздрогнула Джин. – Я, вообще-то, в Бога не верю, но тут иначе не скажешь.

– Так я и подумал. Глупо было думать иначе. Поэтому я наврал. Но теперь я хочу знать правду. И учти: если надумаешь врать и вилять хвостом, я тебя не пойму.

– Ладно. Но предупреждаю: то, что ты услышишь, тебе не понравится.

– Это мои проблемы.

Джин вздохнула и начала говорить – все, как договаривались...

– Поэтому я оказалась в этом дурацком доме, – закончила она свой рассказ. – Надо ли говорить, что меня никто не встретил и никаких денег я не получила. Так что я пыталась сделать тебе подлость даром.

– Я догадывался о чем-то подобном, – он пожал плечами. – Когда я ловлю на подобном своих сотрудников, я тут же вышвыриваю их на воздух.

– Значит, ты вышвырнешь и меня, – сказала Джин.

Странно, но в ее голосе не было ни волнения, ни тревоги.

– Не факт. Может, и не вышвырну, если ты объяснишь мне вот это, – он бросил ей на колени рисунок. – Учти: если бы я показал этот рисунок ментам, ты бы оттуда не вышла.

– Почему же не показал?

Рисунок лежал изображением вниз, и Джин еще не видела, что на нем.

– Не знаю. Посмотри.

Джин перевернула рисунок. На несколько секунд в машине наступила гнетущая тишина. Вадим видел даже в полутьме, как краска отхлынула от ее лица, как расширились зрачки. Потом она горько заплакала.

Обхватив ладонями щеки, Джин заревела, заскулила так, как плачут очень маленькие дети, с хриплым придыханием, которое вырывалось из ее стиснутой горем груди.

Вадим подождал, когда она успокоится. Как и на большинство мужчин, женские слезы действовали на него угнетающе. Ситуация была невыносимо тяжелой, и он действительно не знал, как поступить.

– Я не знаю, – Джин все еще плакала, но слез было уже меньше. – Я не понимаю, что это такое... Мне страшно...

– Когда ты это нарисовала?

– Я не помню, как рисовала это. Но проект я закончила два дня назад.

– Да, я помню – два дня назад. Рисунок лежал под ворохом бумаг, которые действительно могли накопиться за два дня, – Вадим кивнул с самым серьезным видом, пытаясь ее успокоить. – Значит, ты нарисовала этот рисунок, когда девочка еще была жива. Вопрос: почему ты нарисовала именно это? Ты предвидела будущее?

– Не знаю. Я, честно, не понимаю, что произошло, – плечи Джин тряслись.

– Ты видела когда-нибудь эту девочку?

– Никогда в жизни!

– А этот дом?

– Нет. Впервые приехала сюда!

В голосе Джин не было ни капли лжи.

– Платье? – он методично продолжал допрос.

– Да, – она вдруг вытерла слезы, успокоилась и посмотрела на Вадима с каким-то странным выражением. – Да, я могла видеть платье. Я видела такое...

– Где, когда видела? Вспоминай!

– Маленькая девочка в платье в горошек играла в парке в мяч, – Джин задумалась. – Это было в первый день, как только я переехала...

– Куда переехала? – Вадиму вдруг стало невероятно интересно выдавливать из Джин информацию вот так – по крупичкам.

– В красную комнату...

– Куда? – не понял он.

– В красную комнату... Так я ее называю, – пояснила Джин. – Я сняла квартиру в центре города, в Покровском переулке, очень необычную. Там есть комната в красных тонах. Она странная, но мне очень нравится. И вот в первый же вечер, когда я переехала, я смотрела в окно. Окна выходят в парк. И там играла девочка в таком платье. На ней было платье в горошек.

– Но то была не убитая девочка? – уточнил он.

– Нет. Хотя я не видела лица убитой. Та была совсем другая. Поменьше.

– Ну, хорошо... значит, подсознание... Но почему?

– Я не знаю! – слезы из глаз Джин закапали снова. – Я не понимаю, что происходит. Мне страшно.

– Ладно, – решил он. – Я никому не покажу этот рисунок, хотя мой заместитель его уже видел. Но я что-нибудь придумаю.

– Почему? – Джин подняла заплаканное лицо. – Почему ты защищаешь меня?

– Сам не знаю, – Вадим передернул плечами, словно спасаясь бегством. – Понятия не имею! Никогда такого не делал – наверное, потому. Мне интересно. Это сложно объяснить. Впервые у меня такое случается.

Загудел двигатель. Джип рванулся в ночь.

– Говори, где твой странный дом, – обернулся Вадим к Джин.

Та уже перестала плакать.

– Покровский переулок, дом восемь...

Джин высморкалась в бумажную салфетку. Глаза ее покраснели: это было заметно даже в тусклом мерцающем свете приборной панели. Красноглазое чудовище с зелеными волосами. Это вдруг подняло внутри Вадима волну отвращения почти на физическом уровне. Гадкая идиотка! Что она делает в его машине?! Может, к тому же, еще и заразная. Черт его знает, чем она больна! Какого черта он везет ее куда-то, эту сумасшедшую, которая вот так запросто втянула его в отвратительную историю с убийством? И не просто с убийством, а самым жутким из убийств – убийством ребенка!

– Не гони машину! – хлюпнула носом Джин. – Двести на спидометре. Головой думай!

– Да пошла ты! – огрызнулся Вадим. – Ты мне не жена, чтобы командовать!

– Упаси бог! – снова хлюпнула носом Джин и, нагло открыв окно, выбросила сопливую салфетку.

– От чего это – упаси? – машинально поинтересовался он.

– От того, чтобы стать твоей женой! Уродство какое-то!

Вадим расхохотался. Это абсолютно невозможное чудовище женского пола, сидящее в его машине, – чудовище, на которое ни один нормальный мужчина даже не посмотрит, – называет брак с ним (это с ним-то!) уродством! Да любая из сотен куриц, забивающих свои номера в его телефон и разрывающих все его средства связи дурацким полночным гудением на всех частотах (что мобильная связь, что интернет), начала бы писать кипятком, только заговори он о браке! Да сделали бы ради этого все что угодно, душу дьяволу заложили бы! А эта вот...

– Чего ржешь? – мрачно поинтересовалась Джин.

– Скажи, зачем ты выкрасила волосы в зеленый цвет и обстригла их так коротко? – поинтересовался Вадим и, не удержавшись, добавил: – Разве ты не понимаешь, что это лишает тебя привлекательности в сексуальном плане?

– Это полностью уничтожает мою привлекательность в сексуальном плане, – резко отрезала Джин. – Я сделала все так, чтобы на меня никто не смотрел. Ведь когда на тебя не смотрят и предпочитают тебе других, этому должно быть объяснение. Хотя бы внешнее. Теперь у меня оно есть.

– Ты странная, – Вадим бросил на нее задумчивый взгляд. – Ты – один сплошной мучительный комплекс. Кто так сильно тебя обидел? Кто так жутко тебя обижал?

– Да пошел ты! – разнервничавшись, Джин стиснула кулаки так, что ногти сильно врезались в ладони. – Психолог хренов!

– Ладно, не горячись! – он пожал плечами. – Если я обидел тебя, прости. Я не хотел. Обижать женщин не в моих правилах... А про себя Вадим мысленно добавил: «...даже таких страшных и уродливых, как ты».

Джин молчала, глядя в темное стекло машины, за которым проносился бесконечный лес и был уже виден отдаленный отблеск ярких огней городского шоссе, до которого было подать рукой.

Время от времени внутрь салона падали блики от дорожных фонарей, напоминавшие размытые тусклые штрихи на огромной заляпанной красками картине. Они ложились ровными мазками, создавая причудливые переплетения тени и света – света, который не освещает ничего, только время от времени – воспаленные глаза Джин.

Молчание стало напряженным. Вадим вдруг ощутил его как твердое инородное тело, неожиданно врезавшееся в его ладони. Ему стало физически больно. Эта боль испугала его и заинтересовала так сильно, что Вадим снова удивился. Что происходит? Отчего ему больно, когда она молчит?

Джин, и вправду, молчала, а в салоне машины вдруг сделалось тесно, как бывает в комнате, где расстаются двое людей, вместе переживших самую лучшую ночь в своей жизни. Рас-

стаются по какой-то глупости, под влиянием собственных пороков или обстоятельств, которые никто из них даже не попытался преодолеть.

Это сравнение поразило его, как выстрел в упор, и причинило боль, как пуля в глубинах позвоночника. Вадим вдруг понял, что впадает в какое-то странное состояние – почти шок. Почему рядом с этой девчонкой его преследуют такие странные мысли? Что с ней не так? Что не так с ним? Может, происходит что-то странное с ними обоими и впору об этом задуматься? Может, он тоже остался без крыши – так же, как осталась без крыши она?

Эти мысли, опять-таки, были для него новыми. Думать так было неприятно и странно. И Вадим поспешил разбить молчание молотом своего голоса. Впрочем, молчание не рассыпалось на мелкие кусочки, а лишь треснуло вдоль, как антикварное зеркало в доме, в котором давно никто не живет и не будет жить никогда...

– Как ты сказала твой адрес? Повтори, пожалуйста.

Вадим включил навигатор, и прибор замигал серебристым светом. В салоне джипа стало светлей.

– Покровский переулок, дом восемь, – повторила Джин, не поворачивая головы и по-прежнему глядя в окно.

Его суперсовременный навигатор был подключен к интернету, как и мобильный телефон. Автоматически Вадим ввел карту в поисковую строку Гугла, и вдруг...

Навигатор начал показывать что-то странное. Вадим повторил запрос и снова удивился – что-то явно было не так. Он даже присвистнул вслух – Джин тут же оторвалась от окна.

– Что случилось? – глаза ее мерцали в тусклом салоне, как у разъяренной кошки. Это почему-то осталось в его памяти, как и странная мысль – чем он мог ее обидеть? Он не понимал.

– Ты уверена, что это жилой дом? – он нахмурился. – Ты ничего не перепутала?

– Нет, конечно, – в ее голосе послышалась злость. – Я не настолько сумасшедшая, чтобы не помнить свой домашний адрес, хотя я и поселилась в этом доме недавно.

– Карта показывает, что на этом месте находится нежилой аварийный дом, предназначенный на снос, – сказал Вадим.

– Чушь собачья! – Джин пожал плечами. – Просто карта неточная, вот и все. Старая какая-нибудь...

– А дом-то новый? – спросил он.

– Дом старый, но совершенно не аварийный. В нем живут люди. Полно. Странные люди...

– Почему странные? – поинтересовался Вадим.

– Ребенок орет за стенкой всю ночь, – вдруг выпалила Джин. – Совершенно ненормально так вести себя с ребенком!

– Откуда ты знаешь? У тебя что, есть дети? – Вадиму вдруг захотелось ее подразнить, но он совершенно не ожидал того, что произошло через секунду. Джин вдруг вскинула на него абсолютно дикие глаза разъяренной ведьмы и вцепилась в руль. Машину понесло в сторону.

– Сумасшедшая! – завопил Вадим. – Ты что творишь?!

Он был так напуган, что даже позабыл все матерные слова – настолько неожиданным было поведение этой странной девицы, этого чудовища, которое вдруг оказалось в его машине и уже успело вывести его из себя, причем несколько раз подряд.

– Останови машину, урод! Я выйду! – глаза ее сверкали, как заточенные кинжалы, и Вадиму снова стало по-настоящему страшно.

– Да что я не так сделал!? – Вадим резко ударил ее по руке. – Отпусти руль, разобьемся ведь!

– Это не твое дело, урод, понял, есть у меня дети или нет у меня детей! – в ярости Джин забыла все правила грамматики, хотя до того момента говорила абсолютно правильно и даже грамотно.

– Извини, я не хотел тебя обидеть! – при этих словах Вадима она отпустила руль. – Извини за то, что я сделал не так. Хотя я совершенно не понимаю, что...

– Ты все сделал не так, – она вдруг успокоилась так же внезапно, как и вспыхнула. – Я устала отвечать на все эти дурацкие вопросы: «Почему ты не замужем?» «Когда заведешь детей?» «Зачем перекрасила и остригла волосы?» И прочий бред, который всем втюхивают в мозги. Я живу, как хочу. Мое тело – мое дело. И никому нет никакого дела до моего прошлого. Люди не способны это понять, как им не объясняй. Я ненавижу людей!

– Извини, я был не прав, – сказал Вадим, вдруг подумав, что за этой странной, необъяснимой вспышкой ее ярости прячется куда больше человеческого, чем она пыталась спрятать, скрыть от всех в своей то ли скорлупе, то ли броне.

– Проехали, – Джин резко передернула плечами: это было похоже на нервный тик. – Нежилой дом, говоришь?

– Нежилой дом, – подтвердил он. – Да ты сама посмотри!

– Странно. Если дом числится аварийным и переведен в нежилой фонд, квартира в нем должна стоить намного дешевле, чем они берут, – сказала Джин.

– Ты снимаешь квартиру или купила? – поинтересовался он.

– Снимаю, – ответила Джин, – сняла недавно. Мне комната понравилась.

– Какая комната? – не понял Вадим.

– Красная комната...

Он подумал, что не слышал ничего более странного в своей жизни, но уточнять ничего не стал, боясь повторения странной вспышки. Что-то ухватило Джину, словно вихрь ее завертел, закрутил в огненных сполохах, в бушующем пламени... Вот что, оказывается, скрывалось за непроницаемой внешностью типичной современной городской сумасшедшей, которой плевать на всех!

Так они въехали в город, и джип помчался по пустынным ночным улицам. По ним в этот час было гораздо легче двигаться.

Свернули в Покровский переулок. Джип остановился возле очень красивого трехэтажного здания в старинном стиле. Вадим был коренным жителем этого города, но никогда не видел такой красоты. Ему вдруг показалось, что там, под башенками в вышине дома, прячутся какие-нибудь мифические гаргульи, как в средневековых романах ужасов. И жуткие чудовища из далекого прошлого наблюдают за людьми своими каменными глазами, обретая вечную мудрость вечности в наблюдении бесконечного множества людских пороков.

– Какой красивый дом! – искренне восхитился Вадим. – Никогда не видел ничего подобного. Да, ты права – на карте ошибка. У кого поднимется рука разрушить такую красоту? Только вот странный этот дом какой-то...

– Почему странный? – Джин снова вскинула на него глаза.

Вадим заметил, что агрессии в ее взгляде больше не было.

– Окна не освещены, – пояснил он. – Ни одного окна не горит.

– Что тут странного? Глубокая ночь. В доме живут пожилые люди. Я видела соседей...

– А твой младенец?

– Семьи с детьми ложатся еще раньше.

– Допустим, – он заглушил двигатель и обернулся к Джин. – А теперь ты скажешь мне правду – ради какой суммы собиралась меня предать. И не финти ушами! Я прекрасно понял, что тебе очень нужны деньги. Заметь: я не спрашиваю зачем. Говори правду. Сколько?

Джин назвала цифру. Он открыл бумажник, отсчитал нужную сумму и подал ей.

– Вот, забирай. И больше так не поступай. Никогда.

– Я не возьму эти деньги.

– Возьмешь. По глазам вижу. Ты возьмешь их в наказание. Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Возьмешь и будешь мучиться. Это кое-чему тебя научит. Бери! Я так сказал!

Джин взяла деньги. Глаза ее сделались тусклыми. Он вдруг почувствовал себя так, будто ее ударил по лицу. В ее потухших глазах было больше горечи, чем в любых слезах.

– Уходи, – перегнувшись через нее, Вадим распахнул дверцу джипа. – Убирайся!

В его горле стоял отвратительный горький комок.

Джин вышла и скрылась в темном парадном. Вадим слышал, как за ней захлопнулась дверь. Дрожащими руками он достал телефон, бегло пробежался по женскому списку. Он испытывал в этот момент чудовищную потребность в женщине, потребность растоптать, грубо трахнуть, унижить. Отомстить. Отомстить за потухшие глаза Джин...

Вадим ткнул пальцем в первый попавшийся номер.

– Привет, это я. Хочешь встретиться? Я сейчас приеду... Да, прямо сейчас!

Он решил, что трахнет эту сучку прямо в машине, а потом бесцеремонно вышвырнет вон. Он даже не удосужился посмотреть в телефоне ее имя. Ему было все равно. Он испытывал жуткую потребность ломать и крушить. Его джип скрылся в городской тьме, нарушая все возможные дорожные правила.

Глава 6

Джин с трудом разлепила опухшие веки и уставилась на кровавую каплю, стекающую по стене. Набухая багровым соком, капля стремительно катилась вниз, вдоль золотой полосы, и исчезала где-то у самого пола. Дрожащая влага внутри набухшей капли и была звонким кровавым дождем – тем самым дождем, который разбудил ее.

Джин мотнула головой, пытаясь прогнать жуткое наваждение. Затем к ней медленно вернулось сознание, затухающее в багровом тумане кровавого дождя. Так выглядели стены, позолоченные ранним солнцем. Так выглядела красная комната – призрачное марево, ряд уже пройденных ступеней, каждая из которых оставила на сердце незабываемый шрам.

Она почувствовала острую боль в боку, от которой все тело свело, попыталась пошевелить ногой, но тысячи раскаленных игл тут же впились ей в лодыжку мучительной судорогой. Стиснув зубы, Джин издала что-то вроде стона и вытянула кверху большой палец ноги, растягивая ступню до предела. Помогло – судорога прошла. Теперь оставалось понять, почему, вместо того, чтобы проснуться в спальне, Джин пришла в себя на неудобном, жестком диване в красной комнате, хаотично уставленной громоздкой мебелью.

Она лежала на диване в красной комнате в той самой одежде, в которой приехала из Соснового Бора. Она вспомнила, что пила спиртное.

Расхаживала по двум комнатам этой странной квартиры с бутылкой водки, Джин пила и пила до тех пор, пока кровь на стенах красной комнаты не превратилась в прозрачные хрустальные капли. Она поняла, что алкоголь наконец-то почти отшиб ей мозги.

На самом деле Джин пьянствовала не от страха. Она попала в глупую и жуткую ситуацию, едва не лишилась работы, взяла подачку от начальника и показал себя такой идиоткой, какую на всем белом свете только поискать. Она пила потому, что ее ноутбук был в ремонте. Джин зашла на сайт знакомств с телефона и успела разглядеть, что ее любовник, как всегда, пребывал онлайн.

Она напилась до тех самых отвратительных чертиков, в которых во время пьяных галлюцинаций превращаются цифры на сенсорной панели телефона. Джин нажимала на веселых чертиков по памяти и ни разу не ошиблась ни в одной цифре. Она звонила своему любовнику, но он, разумеется, так и не ответил на ее звонок.

Джин была настолько пьяна, что позвонила целых два раза, и как всегда на ее шее затянулась удавка из длинных гудков. Он не брал трубку. Он помнил ее номер. Он затянул на ее шее веревку своего безразличия. И она пила, пила, пила до конца.

Дальнейшее поглотил туман. Все заволочлось розовой пеленой, закружилось, унеслось в пропасть. И сама Джин, раскинув руки, унеслась в самое счастливое в мире безумие пьяного сумасшествия, в котором нет ничего, кроме бездны, а в каждой ослепительной радуге содержится целый ад. Потом больше ничего не было – только будто кровавые капли сочились сквозь ее неплотно сжатые губы. И чужой диван в красной комнате. Возможно, она на него машинально прилегла...

Тело болело мучительно. Джин пошевелилась, пытаясь размять затекшие ноги и спину, и вдруг поняла, что она в комнате не одна.

На стуле, рядом с ее кроватью, прямо, будто проглотив шест, сидела старушка – та самая соседка, которую Джин встретила в подъезде. Старушка еще больше, чем в прошлый раз, была похожа на гравюру позапрошлого века, хотя сейчас на ней был вполне современный кофейного цвета костюм. Белоснежные волосы все так же были забраны пучком на затылке, а светло-серые глаза лучились добрым светом. Джин вдруг с удивлением обратила внимание на серьги старушки – ей вдруг показалось, что в серьгах блестят самые настоящие бриллианты. Словом, та еще штучка!

Она присмотрелась пристальнее. Когда-то Джин разбиралась в драгоценных камнях. Так и есть: бриллианты! Давно уже не видела таких.

Но как соседка вошла в ее квартиру? И как давно она здесь сидит? Похоже, Джин допи-лась до таких чертиков, что даже позабыла закрыть за собой дверь. Вот так номер! Стыдно, однако. Особенно в глазах такой благообразной старушки – в них, впрочем, горит доброжела-тельность. Приятный такой огонек!

– Проснулись, деточка? – старушка ласково улыбнулась. – Если хотите, я приготовлю для вас чашечку моего особенного мятного чая!

– Благодарю вас. Э-э... н-нет...

Совершив над собой нечеловеческое усилие, Джин все-таки села на диване, напоминав-шем ложе для пытки. В голову как будто ударили чугунным ядром. Ее начало тошнить. Налицо были все самые отвратительные синдромы похмелья и алкогольной интоксикации.

– А как же... – Джин даже говорила с трудом.

Она была отвратительна сама себе.

– У вас было открыто, – старушка улыбнулась, – и я решилась зайти. Вы живете одна?

– Да. Одна. Я... – Джин с трудом подавила тошноту, – я поселилась здесь недавно...

– А я живу в этом доме с самого рождения, – сказала старушка. – Раньше жила вдвоем с сыном, но теперь его со мной нет. Он в отъезде. Дела, знаете ли!

– Понятно, – стараясь быть вежливой, кивнула Джин.

– У моего сына очень много друзей, – сказала старушка совершенно не к месту, – все его помнят. Вчера вот друг к нему заходил.

– Он наверняка у вас замечательный, – Джин было так плохо, что она с трудом подбирала слова.

– Наш дом многое пережил и многое повидал, – сказала старушка. – Вот, к примеру, до войны...

– До войны? – переспросила Джин, лишь для того, чтобы хоть что-то сказать.

– О, вы не подумайте: я просто молодо выгляжу! – кокетливо проговорила старушка. – На самом деле, наш дом очень-очень старый. И я такая же старая, как наш дом. Мы с ним всегда будем вместе. Я родилась до войны.

– Простите, – Джин поднесла руки ко рту, – я плохо себя чувствую...

– О, ничего страшного!.. Простите, я не представилась. Меня зовут Евгения Николаевна Контесс.

Тут Джин сорвалась с места и едва добежала до ванной, где ее вырвало так мучительно, что она чуть не потеряла сознание. Ей казалось, что вместе с потоком этой вонючей и едкой жижицы она извергает из себя внутренности – так ей было нехорошо. Алкоголь сыграл с ней злую шутку. Он не подарил Джин ни облегчения, ни забвения, а наоборот, добавил к ее про-блемам еще паршивое самочувствие, превратив ее тело и мозг в разбитый сосуд.

Джин полулежала, распластавшись на полу в ванной и обхватив унитаз. Больше всего на свете ей хотелось умереть. От ее рвоты в ванной стояла невыносимая вонь. В глазах плясали темные и матовые круги, черными пятнами отчаяния застилая хмурую реальность. Кое-как она поднялась, прополоскала рот холодной водой, а потом долго пила воду, пытаясь снова превратиться в человека. Наконец ей стало легче. Джин умылась, пригладила торчащие во все стороны волосы и вернулась в гостиную.

Старушки в гостиную не было.

Джин стало стыдно. Похоже, она все слышала, а потому ушла. Джин захотелось про-валиться сквозь землю от стыда. Она вдруг вспомнила, что старушка назвала ей свое имя – Евгения Николаевна Контесс. Странно было то, что старушка была ее тезкой. Даже инициалы «Е.К.», были у них одинаковые.

Джин подумала, что ей стоит зайти к соседке и извиниться, а потом вдруг вспомнила, что старушка вспоминала о друге своего сына. Неужели это тот странный незнакомец, который спускался по лестнице, заходил давеча к Евгении Ивановне?

Несмотря на все пережитое, Джин отлично его помнила. Его лицо вдруг отчетливо всплыло из ее памяти: вьющиеся черные волосы, светло-серые глаза, мужественный рот... Он был красив. Даже такая моральная развалина, как Джин, понимала толк в мужской красоте. И ночной гость был намного красивее ее любовника – тут не приходилось даже сравнивать. Джин вдруг ни с того ни с сего уселась за стол, достала пару карандашей, блокнот и принялась по памяти рисовать портрет незнакомца. Дело скоро пошло на лад.

На желтоватой бумаге как живые возникали жестко очерченные скулы, твердый овал рта. Джин рисовала быстро, с легкостью, и очень скоро руки у нее перестали дрожать. Рисование быстро привело ее в чувство. Джин рисовала с самого детства – это было для нее, как воздух. Правда, был в ее жизни один мучительный период, когда она почти перестала рисовать, и задыхалась, как рыба без воды, но тогда все скоро вернулось на круги своя... Джин вдруг поймала себя на очень странной мысли. Она никогда, ну просто никогда в жизни не рисовала портреты своего любовника! А тут вдруг по памяти с ходу нарисовала какого-то незнакомца.

Очень скоро портрет, сделанный простым карандашом, был готов. Джин вырвала рисунок из блокнота, положила перед собой, потом встала и открыла окно. В комнату ворвался свежий воздух, а с ним яркий сноп солнечного света и шум большого просыпающегося города, уже отряхнувшегося от ночного забытья...

* * *

Джин быстро шла через парк к автобусной остановке. Так она надеялась сократить путь, хотя полной уверенности у нее не было – Джин шла этим маршрутом в первый раз, но какой-то странный внутренний инстинкт вел ее вперед и вперед.

Она опаздывала на работу. Сначала засмотрелась в окно на просыпающийся рассветный парк, потом слишком долго пила кофе. Слишком долго стояла под холодным душем, пытаясь остудить голову, кипевшую, как котел... И в результате все пошло наперекосяк. Джин поняла, что опаздывает, а это было уже серьезно. Она вообще понятия не имела, будет ли после вчерашнего работать в этой фирме или нет.

Джин спешила, интуитивно прокладывая маршрут к автобусной остановке. Она вышла на мощеную плиткой аллею, идти по которой было удобно и легко. Слева мелькали деревья и клумбы, справа высились серые почерневшие от пожара развалины какого-то строения: возможно, сгоревший магазин или кафе, а может, маленький кинотеатр. Джин с интересом рассматривала неопрятные руины, в которых было что-то готическое. Через несколько метров увидела стену какого-то дома, давным-давно оштукатуренную, а теперь серую, облупившуюся. Глухая стена без окон. На поверхности были отчетливо видны жирные буквы: «Бомбоубежище». Это странное и такое непривычное слово в центре большого современного мирного города заставило невольно подумать о войне.

Джин вспомнила, что именно сейчас восстанавливают бомбоубежища, подготавливают их на случай внезапной войны. Возможно, здесь был именно такой случай. Надпись жирно навели краской, и она еще не успела потечь от времени. Жирные буквы только недавно начали разъедать снега и дожди.

Джин вдруг вспомнила, что о войне упоминала старушка, которая была у нее в гостях. Что же она говорила? Кажется, о том, что жила в доме еще до войны. Раз уж здесь рядом, в парке, было бомбоубежище, значит, в этом районе была опасная зона во время обстрелов и бомбежек. Удивительно, как уцелел старый дом! Джин вдруг задумалась о том, что старые

дома имеют такую же судьбу, как и живые люди, с той только разницей, что судьба домов и значительнее, и заметно длиннее.

Она быстро миновала серую стену и уверенно пошла дальше. Почему-то – она никак не могла понять почему, – мысли о войне придали ей какую-то странную уверенность. И эта уверенность каким-то образом была связана с тем, что рассказывала ей старушка. Но что конкретно говорила Евгения Николаевна, Джин могла вспомнить лишь с огромным трудом.

Впереди виднелась яркая будка автобусной остановки – торговый киоск, рядом с ним небольшой навес. Под ноги Джин вдруг выкатился синий резиновый мяч. Детский мяч. Он появился так внезапно, что Джин едва не споткнулась.

Со смехом по парковой аллее вслед за мячом бежала маленькая девочка лет шести-семи: розовые брючки, длинные русые волосы развеваются по ветру, щербатый улыбающийся ротик. Симпатичный, веснушчатый ребенок – живое олицетворение этого солнечного утра и жизни, которая, несмотря ни на что, продолжалась даже для Джин.

Девочка хохотала, протягивала к мячу ручки. Джин улыбнулась в ответ.

– Виолетта! Извинись перед тетей! Как же так можно! – толстая тетка лет пятидесяти – возможно, няня или бабушка, – задыхаясь, бежала следом за девчужкой и, конечно, не поспевала.

– Ничего страшного! – Джин быстро подхватила мяч и вручила девочке. – Виолетта, держи!

– Ох, извините! – толстая тетка в майке с огромным декольте, из которого вываливалась ее пышная грудь, схватилась за сердце, едва переводя дыхание. – Никакого сладу с ней нет!

– Да, ребенок подвижный, – согласно кивнула Джин.

Девочка принялась подбрасывать мяч, весело смеясь. Рот ее был раскрыт, глаза горели ярким светом, а волосы развевались при каждом прыжке. Веселая, подвижная девочка. Подбрасывая мяч в воздух, Виолетта соскользнула с мощной дорожки и унеслась куда-то за деревья.

– Виолетта, не ходи туда! Кому сказала, остановись! – толстая тетка, кряхтя, в свою очередь сползла с дорожки и двинулась вслед за девочкой. Она то и дело брезгливо морщилась при виде куч мусора, пустых бутылок и собачьих экскрементов.

Тут только Джин обратила внимание на то, что парк, который мог бы выглядеть отлично, на самом деле очень запущен и грязен. Абсолютно неухоженный, он был похож на растрепанного вонючего бомжа, выпавшегося в подворотне и при свете солнца выползшего на свет. Парк производил точно такое же впечатление. В нем было безлюдно, кроме Виолетты и толстой тетки здесь не было других детей и взрослых, несмотря на солнечный и теплый день. Парк отчетливо просматривался со всех сторон, и было видно, что в нем нет даже детской площадки. Возможно, именно поэтому детей из этого района водили играть в другие места.

Джин бросила взгляд на часы и ускорила шаг. Вскоре она уже сидела в автобусе и качалась в такт каждой рытвинке на дороге, ровно глядя перед собой пустыми, ничего не выражающими глазами...

В офис Джин прокралась едва ли не по-пластунски и уселась на свое место тише воды ниже травы. Ее страшила встреча с начальником. Что он ей скажет после всего, что произошло ночью? Как посмотрит на нее?

Но начальника не было. Джин все утро гипнотизировала дверь кабинета шефа. В конце концов оттуда с ворохом документов вышел хмурый заместитель, а Джин увидела, что в кабинете пусто. Значит, начальник либо на объектах, либо на деловой встрече. Отсутствие шефа – тоже вариант!

Джин расслабилась. Можно вздохнуть свободно – Вадиму сейчас явно не до нее.

– Ты переделала Сосновый Бор? – к ее столу подскочил разъяренный заместитель. Он смотрел на Джин так, словно она – насекомое, разносящее заразу.

– А надо было переделать? – издевательски спросила Джин.

– Будь моя воля, ты бы у меня в окно вылетела! – заместитель злобно зыркнул на Джин, а та беспечно рассмеялась.

– Никогда твоей воли не будет! – сказала она и принялась переделывать проект.

В обеденный перерыв Джин успела смотаться в мастерскую и отнести деньги за ремонт ноутбука. Ей пообещали справиться в срок.

На рабочее место Джин вернулась раньше, чем закончился перерыв. В офисе почти никого не было – сотрудники предпочитали обедать в столовой, внизу, на первом этаже офисного центра. Джин подошла к своему рабочему столу, и... ахнула.

Сперва она просто не поверила своим глазам. Чертеж, над которым она трудилась все утро, был безнадежно испорчен. Да уж как испорчен!

Кто-то разрезал (не разорвал, а именно разрезал!) его на куски, а затем (жуткое варварство, которое Джин было даже трудно вообразить) залил эти куски красной краской. Теперь ее рабочий стол напоминал некое подобие преддверия ада, на которое страшно было даже смотреть.

Джин встала как вкопанная перед рабочим столом, тщетно пытаясь взять себя в руки. Вся ее работа за утро, все переделки в проекте для Соснового Бора, все, что она должна была исправить – все было уничтожено! В первую секунду Джин растерялась настолько, что ей захотелось расплакаться.

Потом, как разъяренная фурия, она ворвалась в кабинет к шефу, где восседал его заместитель. Джин кричала и плакала. Речь ее лилась бессвязным потоком, и зам сначала даже испугался. Затем, уловив главную нить истерики (а главное, то, что кто-то испортил ее работу), он поднялся из-за стола и пошел за Джин.

Шокированный заместитель директора с минуту постоял над рабочим местом Джин, а потом задал вопрос – с точки зрения Джин, это был верх нелепости:

– Кто это сделал?

Как будто Джин могла ответить! С обеденного перерыва начали возвращаться другие сотрудники. Разгорелся скандал. Оказалось, какое-то время в офисе вообще никого не было: заместитель вышел, а сотрудники спустились в столовую, Джин ушла в компьютерную мастерскую. Помещение оставалось пустым – в него мог войти кто угодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.